

355694

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Проф. О. Л. ВАЙНШТЕЙН

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

ОГНЗ

САРАТОВСКОЕ

1943

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Тень 1918 года над гитлеровской Германией	3
Промышленность и транспорт Германии	11
Сельское хозяйство и продовольственное положение.	18
Финансы гитлеровской Германии	26
Морально-политическое состояние Германии	31
Заключение	46

Тень 1918 года над гитлеровской Германией

В 1919 году, непосредственно после разгрома Германии в первой мировой войне, Освальд Шпенглер, идеолог и предтеча гитлеризма, писал: «Пусть никто себя не обманывает: революция еще не кончилась, и мировая война тоже еще не кончилась»¹⁾.

В этих словах нашло свое выражение стремление наиболее реакционных, шовинистических и авантюристических элементов германской буржуазии «переиграть» войну 1914—18 гг., расправившись предварительно с рабочей революцией в Германии и поставив в порядок дня контрреволюцию.

Реваншистские настроения магнатов капитала и военно-помещичьих кругов, мечты о новой мировой войне, которая должна была поправить их пошатнувшиеся дела, их ненависть и животный страх перед растущей мощью революционного пролетариата,—такова почва, вскормившая Гитлера и его преступную клику поджигателей второй мировой войны.

Подготовка к войне началась с момента захвата Гитлером власти в январе 1933 г. по заранее разработанному и тщательно продуманному плану. Параллельно с бешеными вооружениями и мобилизацией всех ресурсов нации для военного строительства шла наглая и напористая гитлеровская пропаганда, имевшая целью идеологически подготовить к войне немецкий народ с помощью националистической демагогии, гнусных измышлений расизма и хищнического «учения» о «германском жизненном пространстве». Подчеркивая во всех выступлениях, что Франция, Англия и США—государства «плутократические», захватившие все богатства мира, а в СССР на душу населения приходится в 18 раз больше земли, чем на каждого немца в Германии, —гитлеровцы уже заранее намечали и объекты, и непосредственные задачи предполагаемой агрессии.

Низкие уловки гитлеровской дипломатии, шантаж и запугивание малых государств, шантаж и бессовестное надувательство в сношениях с крупными государствами, — все это

1) О. Шпенглер. Пруссачество и социализм. 1922, стр. 17.

должно было прикрыть дымовой завесой лихорадочные военные приготовления гитлеровцев и дать им выигрыш во времени.

Когда 1 сентября 1939 года Гитлер развязал вторую мировую войну нападением на Польшу, он мог думать, что для решительной победы германских капиталистов в их борьбе за мировое господство абсолютно все сделано.

Он располагал самой многочисленной армией в Европе, вооруженной до зубов, оснащенной по последнему слову техники—танками, самолетами, артиллерией, автотранспортом и новейшими средствами связи. Германская промышленность, задолго до войны переключившаяся почти полностью на обслуживание военных нужд, обеспечивала непрерывное пополнение и дальнейший рост материальной части гитлеровской армии. За счет неслыханной эксплуатации и снижения жизненного уровня трудовых масс, в стране были созданы запасы военно-стратегического импортного сырья — нефти, каучука, цветных металлов и т. п.

Путем зверского террора, уничтожения самых элементарных демократических свобод, физического истребления передовой интеллигенции, путем изгнания или заключения в тюрьмы и концлагери всех инакомыслящих,—в гитлеровской Германии была достигнута видимость «морального единства нации». Это «достижение» гитлеровских палачей означало, что большинство населения Германии, запуганное беспримерными насилиями и одурманенное демагогией, обратилось во внешне покорную и безвольную массу слепых исполнителей гитлеровских планов.

Создание пресловутой «оси», объединившей три наиболее агрессивные державы мира и обратившей фашистскую Италию в покорного вассала «Третьей империи», должно было укрепить внешнеполитические позиции Гитлера. Захват и присоединение Австрии, расчленение и порабощение Чехословакии накануне войны, подготавливая плацдарм для агрессии гитлеровцев на Балканах и в Восточной Европе, в то же время расширяло их военно-операционную базу и увеличивало их военные ресурсы.

Наконец, организация бесчисленных очагов гитлеровского шпионажа во всех уголках капиталистического мира; создание «пятых колонн» предателей и диверсантов в крупнейших государствах; успешная контрреволюционная интервенция в Испании; разжигание национальных противоречий; поощрение реакционно-сепаратистских движений; лихорадочные усилия повсеместно сплотить под гитлеровским руководством темные силы реакции, антисемитов, черносотенцев—все это имело целью ослабить или сделать невозможным сопротивление на-

меченных жертв немецко-фашистской агрессии. Нужно признать, что в этой подрывной работе гитлеровские агенты добились немалых результатов—всюду, за исключением Советского Союза, где подготовка «пятой колонны» была полностью сорвана бдительностью партии, правительства и всего советского народа.

Итак, начиная в 1939 г. преступную, грабительскую войну в Европе, Гитлер мог тешить себя мыслью, что он застраховал себя от судьбы Вильгельма II Гогенцоллерна, а Германию—от повторения военного разгрома 1918 года.

Основной расчет его базировался, помимо тщательной подготовки, на двух стратегических принципах, последовательное проведение которых должно было решить исход войны:

во-первых, бить противников по-одиночке, не допустить образования второго фронта в Европе;

во-вторых, вести войну молниеносно («блицкриг»), используя до конца быстроту передвижения своих мотомеханизированных военных сил, обрушиваясь на каждого очередного противника всей тяжестью своей военной машины и создавая таким образом огромный численный перевес для своих армий на нужном участке фронта.

С этим связано и стремление Гитлера извлечь все преимущества, которые ему давала инициатива в агрессии,—внезапность нападения и возможность произвольного выбора места и времени для каждого очередного удара.

Но, готовя свой бандитский заговор против свободы и независимости других наций, гитлеровцы все же многого не учли. А между тем, малейший их просчет в реализации планов войны гораздо быстрее приближал «Третью империю» к катастрофе, чем Германию Гогенцоллернов.

Германия 1914 г. представляла собою в финансово-экономическом отношении более крепкий организм, чем гитлеровская Германия. Она имела накануне войны на 40 миллиардов марок заграничных капиталовложений и могла их в значительной степени использовать по мере нужды в средствах; Гитлер был лишен этого ресурса.

Кайзеровская Германия располагала перед войною большим золотым запасом, она могла мобилизовать почти на четыре миллиарда золотой и серебряной монеты, находившейся внутри страны; Гитлер не имел и этого ресурса.

Кайзеровская Германия вступила в войну 1914—1918 гг. в расцвете своей промышленной мощи, в период, когда ее экономика находилась еще на подъеме. Экономика «Третьей империи» представляла к 1939 г. односторонне разбухший организм, в котором нормальное соотношение отдельных частей

было нарушено принесением в жертву военной промышленности всех самых жизненных нужд невоенных отраслей народного хозяйства.

В кайзеровской Германии известная часть даже трудового населения располагала накануне войны некоторым запасом предметов потребления—одежды, обуви, продовольствия и пр., а главное — вступила в войну с еще нерастраченными физическими силами. Народные массы гитлеровской Германии, напротив того, не имели решительно никаких запасов, давно одевались, обувались и питались с помощью различных «эрсatzов»; здоровье и силы большинства трудящихся были подорваны недостаточным питанием и усиленной эксплуатацией. Следовательно, способность этих масс к длительному напряжению, какого требует затяжная война, резко понизилась по сравнению с 1914—18 годами.

Кайзеровская Германия по сравнению с гитлеровской представляла более прочный организм и в морально-политическом отношении. В империи Гогенцоллернов, помимо аппарата государственного насилия, помимо успешного распространения через школу, прессу, театр и т. п. воинственно-националистической пангерманистской идеологии, известной прочности тыла содействовало еще наличие вековой исторической традиции, сковывавшей малосознательные элементы народа покорностью дому Гогенцоллернов и домам других германских королей и князей. Эта вековая традиция представляла немаловажный морально-политический ресурс кайзеровских властей.

Политический проходимец Гитлер и его клика не имеют за собой никаких традиций. Застенки Гестапо и концлагери, с одной стороны, непрочное влияние трескучих фраз и лживых демагогических обещаний—такова вся морально-политическая база «Третьей империи». Правда, и система террора, и демагогия доведены здесь до крайних пределов. За несколько лет гитлеровского режима система «национал-социалистического» воспитания молодежи также дала свои плоды. Развязывая в мещанских и буржуазных, по преимуществу, кругах самые низменные инстинкты, соблазняя их перспективой легкой наживы за счет побежденных народов, старательно воспитывая в молодом поколении культ грабительской войны, презрение и ненависть к «нищим расам»,—гитлеровцы сумели сколотить достаточно солидный костяк фашистской «грабьярмии» и подготовить для нее приток некоторого пополнения. Не только по бандитским своим повадкам, но и по своим боевым качествам—выучке, дисциплине, напористости и стойкости в сопротивлении, эта армия может быть поставлена в один ряд с

ландскнехтами Восточной Европы периода 30-летней войны, которых, впрочем, неоднократно били и шведы и французы.

При всем том, еще есть гитлеровской морально-политической подготовки в состоянии дать сколько-нибудь длительный эффект только в условиях успеха. Успех, хотя бы чисто внешний, призрачный, временный, нужен Гитлеру, как воздух. Какое отношение к военному или дипломатическому успеху играет в гитлеровской империи та же роль, какую вспрыскивание морфия играет для сердечного больного. Гитлеромановская Германия могла во время войны долго держаться и без этого стимулирующего средства. Третью же империю без него начинает захватывать. Гитлеромановская Германия могла без ее Гиммлера-Гессера вынести даже несколько крупных неудач (например поражение на Марне в 1914 году; Битва в Восточной Европе в 1916 году). Такие же неудачи для Третьей империи почти равносильны катастрофе.

Конечно, в ходе войны Гитлеру удалось реализовать некоторые преимущества, происходящие от вечности его политизированной военной игры. Подлинные преимущества являются сильнейшей стороной любого шулера... до того момента, пока он не будет полностью разоблачен и вынужден выйти из игры.

Как известно, Гитлер бесцеремонно ограбил всю Западную Европу и особенно обширные районы СССР. Из одной только Чехословакии было вывезено конфискованного государственного и частного имущества на 125 миллионов фунтов стерлингов, из Польши — на 600 миллионов ф. ст. и т. д. Этот грабеж, принимавший самые разнообразные формы и распространявшийся даже на «союзников» Гитлера — Румынию, Италию, Болгарию, Венгрию, Финляндию — на первых порах помогал гитлеровцам преодолевать финансовый, а частично и продовольственный кризис. Однако, эти «преимущества» не замедлят прийти к концу, когда выяснится, что из разоренных фашистами стран больше ничего выкачивать. Мало того, такая система грабежа обнаруживает и свои невыгодные стороны, порождая глубокую ненависть к захватчикам решительно во всех слоях покоренного населения и обращая гитлеровский тыл в Европе «в вулкан, готовый взорваться» (Сталин).

Оккупированные и вассальные страны должны поставлять и белых рабов для промышленности и сельского хозяйства гитлеровской Германии. К началу 1942 года в Германии насчитывалось свыше двух с половиной миллионов «иностранных рабочих», не считая военнопленных. Так пытаются гитлеровцы преодолеть все углубляющийся кризис рабочей силы. На первых порах зверская эксплуатация этих миллионов людей, по своим приемам и характеру напоминающая практику рабовладельцев древнего Рима, действительно, по-

могала гитлеровцам высвобождать немецких рабочих для мобилизации их на фронт. Однако, и это «преимущество» быстро приходит к концу, поскольку с каждым днем становится все яснее, что производительность труда «иностранных рабочих» чрезвычайно низка, и что эти рабочие весьма склонны совершать на германских предприятиях акты саботажа. Мало того, такая система эксплуатации иностранной рабочей силы должна обратиться против самих же гитлеровцев, увеличивая в их тылу и без того многочисленную армию их врагов.

Гитлеровцы принуждают побежденные государства, равно как и своих вассалов, платить им налог кровью. Они набирают в этих государствах солдат, которые, под видом «добровольцев», играют в их армии роль самого дешевого «пушечного мяса». Чудовищная идея заставлять людей сражаться и жертвовать жизнью ради своих порабитителей могла родиться только в гитлеровской Германии. Однако и это «преимущество» гитлеровцев перед их предшественниками мало чего стоит. Попытка решить таким путем проблему людских резервов для гитлеровской армии приносит и еще принесет Гитлеру немало разочарований, обращая его военные силы в разношерстный сброд и ускоряя при каждой военной неудаче процесс их деморализации.

В отличие от кайзеровской Германии, Гитлеру удалось на первых порах избежать образования второго фронта в Европе. Это серьезное преимущество, наряду с внезапностью нападения на СССР, дало ему возможность добиться здесь известных успехов, захватить территории западных республик и некоторых областей Советского Союза. Но момент внезапности, как показал товарищ Сталин, был уже через 3—4 месяца после начала войны с СССР полностью исчерпан, а отсутствие в Европе второго фронта благодаря самоотверженности и героизму Красной Армии и всего советского народа также не создало длительного и решающего перевеса для гитлеровских армий и не помешало этим армиям потерпеть от наших войск ряд серьезных поражений. Притом, в связи с обязательством Англии и США создать в Европе второй фронт против гитлеровской Германии и это ее «преимущество» окажется полностью ликвидированным.

Если, таким образом, военные, дипломатические и организационные успехи Гитлера на первом этапе войны оказываются при ближайшем рассмотрении несущественными или же скоропреходящими, то просчеты гитлеровской стратегии и дипломатии являются, наоборот, весьма существенными и более того — фатальными для «Третьей империи».

Во-первых, Гитлер, по его собственному признанию, недо-

учел политической, военной и производственной мощи СССР, прочности советского строя, крепости уз дружбы и братства между нациями Советского Союза, их преданности и любви к их общей великой родине, к партии и правительству, к великому вождю нашего народа товарищу Сталину. За этот грубый просчет Гитлер заплатил не только крушением своих надежд на «блицкриг», но и миллионами своих солдат, погибших на Восточном фронте; за этот просчет он продолжает расплачиваться и будет расплачиваться до самого дня крушения «Третьей империи».

Во-вторых, Гитлер не учел огромного значения героической борьбы советского народа в деле сплочения антифашистских сил всего мира вокруг СССР. Известно, что союз между СССР и другими свободолюбивыми странами непрерывно крепнет и усиливается. Таким образом, расчеты Гитлера на изоляцию СССР провалились с неменьшим треском, чем его планы блицкрига.

В-третьих, Гитлер не учел, что затяжную войну германский народ не будет в состоянии выносить и не захочет выносить так долго, как он выносил ее во времена Вильгельма II; что ложь и хвастовство насчет характера войны и сроков ее окончания будут для гитлеровской клики еще более губительными, чем для правительства кайзера.

В августе 1914 года Вильгельм II заявил солдатам, отправляемым на фронт: «Еще листья не упадут с деревьев, как вы вернетесь победителями». Письма немецких солдат в 1914 году проникнуты полной уверенностью в близком разгроме противника. И даже когда лживый характер пророчества кайзера выяснился окончательно, массы еще долго сохраняли иллюзии насчет исхода войны. Уныние и пессимизм начинают овладевать немецким народом только с 1916 года, а стачечное движение и саботаж на военных заводах принимают тревожные размеры только с 1917 года. Таким образом, после поражения на Марне и очевидного провала блицкрига немецкая армия и немецкий народ продолжали нести еще в течение целых четырех лет бремя войны, становившейся с каждым месяцем все более безнадежной.

Совсем иную картину представляет гитлеровская Германия. Здесь процессы морального разложения и упадка начались в тот самый момент, когда выяснилась вся беспочвенность надежд на быстрое окончание войны против СССР. Уныние, пессимизм, усталость от войны, нежелание воевать проявляются в Германии уже осенью—зимой 1941 года, когда эти настроения становятся предметом постоянных забот и тревоги для гитлеровской клики.

Таким образом, морально-политическое состояние гитлеровской Германии оказывается крайне неустойчивым. Достаточно было неудач в первый же год войны против СССР, чтобы создалась угроза «единству нации», достигнутому путем жесточайшего террора, и возникла ситуация, до некоторой степени напоминающая 1917—1918 гг.

В сущности, это прекрасно сознают и сами гитлеровцы, которые именно по этой причине никак не могут отделаться от навязчивых воспоминаний и сопоставлений с роковыми для кайзеровской Германии 1917—1918 годами.

Так, например, говоря о продовольственных трудностях в 1941 году, фашистские писатели утешают себя тем, что «теперь все же несколько лучше, чем в 1916 году.»¹⁾ Геббельс в одной из своих «ободряющих бесед» сопоставляет «душевные настроения немецкого народа в 1941 году» с настроениями в 1917 году.²⁾ В другой своей статье Геббельс угрожает, что «нынешнее политическое руководство не допустит забастовок на военных заводах, как в 1917 году». ³⁾ Генерал фон-Офен в приказе по дивизии признает, что «солдаты увидивают от службы на передовых позициях... как в 1918 году» и требует от офицеров положить конец «этой заразе». ⁴⁾ Один немецкий командир доносит по начальству: «Настроение в части неважное, главным образом из-за того, что сейчас еще конца войны не предвидится. Настроение... приближается к настроению солдат мировой войны 1917—1918 гг.»⁵⁾

Все эти сравнения с годами военного и политического развала кайзеровской Германии, конечно, не случайны. Исходя из таких источников, как фашистская пресса и документы гитлеровской армии, они являются для нас свидетельством о тех глубоких внутренних процессах, которые совершаются сейчас в «Третьей империи».

Тень 1918 г. все гуще ложится на гитлеровскую Германию 1942 года, предвещая ее близкий конец.

Анализ конкретной обстановки в современной Германии покажет, каковы предпосылки и симптомы надвигающейся на гитлеровцев катастрофы.

1) „Гамбургер Фреденблат“ (цит. в „Правде“ от 7.I 1942 г.)

2) „Дас Райх“, (цит. в „Правде“ 26.I 1942 г.)

3) См. „Правду“ от 21.I 1942 г.

4) См. „Правду“ от 22.III 1942 г.

5) Цит. по статье Александрова „Гитлеровский фронт духа“ перед катастрофой“ в „Правде“ от 24.III 1942 г. Ср. также сообщения в иностранной прессе о своеобразной антигитлеровской агитации в Норвегии с помощью цифры „19 8“, которая появляется на стенах домов, афишах, столбах и заборах норвежских городов, вызывая дикое бешенство оккупантов. См. „Труд“ от 25/X 1942 г.

Промышленность и транспорт Германии

Исходным моментом при характеристике внутреннего положения Германии является состояние ее промышленности, транспорта, сельского хозяйства, продовольственного снабжения, финансов—и выяснение тенденций развития во всех этих областях.

Производственная мощность Германии, крупнейшей индустриальной страны в Западной Европе, очень велика, а после захвата и ограбления Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Австрии, Польши, Югославии, Греции, Дании и Норвегии она, естественно, еще более возросла. Для общего представления о германском производстве достаточно нескольких цифр, взятых сравнительно с производственной мощностью Англии.

Выработка электроэнергии составляла в Германии в 1937 г. 50 миллиардов киловатт-часов против 28,8 млрд. в Англии; выплавка стали равнялась 19,8 млн. тонн против 13,2 млн. в Англии; производство алюминия—131 тыс. тонн, соответствующая цифра в Англии 19 тыс. тонн; валовая продукция машиностроения 14,4 млрд. руб. против 12,7 млрд. у англичан.¹⁾ Прочие показатели не столь благоприятны для Германии, но все же весьма внушительны.

Вступая в войну, Германия довела свою производственную мощность до предельного напряжения. Уже в 1939—1940 гг. она выжимала из своей промышленности все, что та в состоянии была дать. Сотрудник «трудового фронта» Марредбах в статье помещенной в журнале «Фир'яресплан» за 1942 г., вынужден признать, что германская промышленность достигла потолка своих производственных возможностей. Тем не менее, рассудку вопреки, он требует новых производственных усилий, так как война против СССР и США поставила перед Германией новые и сложные задачи.

Однако здесь-то выступает наружу фактор, сыгравший огромную роль в развале германской промышленности уже в первую мировую войну—быстрое изнашивание оборудования при почти полной невозможности обновления основного капитала. Как известно, главным образом по этой причине провалился в 1917 г. пресловутый «план Гинденбурга», предусматривавший резкое повышение всех показателей военной промышленности с целью создать перелом в затянувшейся войне. Из германской промышленности оказалось тогда невозможным выжать дополнительную продукцию; она проиграла состяза-

¹⁾ Цифры заимствованы из таблицы, приведенной в статье „Экономика Англии на 3-м году войны“ „Мировое хозяйство и мировая политика“ № 3—4, 1942 г.

ние с англо-американской военной промышленностью, что предопределило и общее военное поражение Германии. Известно, что в последние месяцы борьбы на Западном фронте на каждые три снаряда, выпускаемые артиллерией союзников, немцы могли отвечать только одним снарядом.

В 1942 году гитлеровцы были вынуждены ухватиться как за «спасательный круг, брошенный Германией», за «план Геринга», якобы устанавливающий «новую фазу военного хозяйства». Сущность этой «новой фазы», по определению Функа, характеризуется «более резким вмешательством в работу отдельных заводов, сосредоточением производства на наиболее рационализированных предприятиях, перераспределением заказов, сырья и материалов, изменением трудовых методов, упрощением и сокращением типов и форм продукции и т. д.» Сколько можно судить из очень осторожных указаний Функа «новый план» только усиливает концентрацию всего производства в руках магнатов промышленности, окончательно передает в их руки сырье, машины, рабочую силу, освобождает их от обязательств по отношению к невоенным заказам (в частности, для экспорта)—словом, пытается решить проблему расширенного воспроизводства с помощью убудочных организационных мероприятий. Таким образом «план Геринга» в основных своих установках необычайно похож на «план Гинденбурга» и его ждет такая же судьба. Самая необходимость в таких экстра-ординарных спасательных средствах уже сама по себе говорит о кризисе производственной мощности гитлеровской промышленности, как и в 1917 году. Соотношение же ее с производственной мощностью могущественнейшей коалиции антигитлеровских держав—СССР, США и Англии—еще более неблагоприятно для Германии, чем в первую мировую войну. Ибо вместо отсталой царской России против Германии стоит СССР, превратившийся за годы сталинских пятилеток в великую индустриальную державу, а производственная мощь США после первой мировой войны росла значительно быстрее, чем промышленность Германии.

Ставка на «молниеносную войну» достаточно объясняет беззаботность гитлеровцев в вопросе об обновлении основного капитала промышленности в ходе самой войны. Кое-что да гитлеровцам захват машин и станков в побежденных странах, но на длительный период это могло служить только паллиативом, не решавшим первой острой проблемы германской промышленности—проблемы оборудования.

Вторая острая проблема — это проблема промышленного сырья.

В первую очередь дал себя почувствовать дефицит в редких металлах, необходимых для легирования стали — таких,

как вольфрам, молибден, ванадий, хром, марганец и пр., а также цветных металлов—меди, олова, никеля, цинка. Большинство этих металлов импортировалось до войны и в Германию, и в оккупированные ею государства из заокеанских стран и из СССР. Лишенная этих источников, гитлеровская Германия пустила в ход металлический лом и утиль: церковные колокола, медную и никелевую монету, металлические украшения французских музеев, медные и оловянные ложки, кастрюли, пепельницы, отобранные у населения Германии и захваченных ею стран. При нынешних масштабах военного потребления металлов все перечисленные «источники» вряд ли надолго удовлетворят германскую промышленность, самый же характер этих источников свидетельствует о катастрофическом положении с запасами металлического сырья в Германии. Неоднократно уже отмечалось в нашей печати и в печати союзных или нейтральных стран резкое снижение качества германского вооружения за последние месяцы, например, качества стальной брони фашистских танков и пр. Это несомненный результат исчезновения многих видов легирующих металлов и чересчур широкого использования неполноценных заменителей цветных металлов.

Быстро истощаются в гитлеровской Германии и запасы важнейшего стратегического сырья—нефти, смазочных масел, каучука, джута, хлопка, шерсти. Подсчеты экономистов показали, что Германия в состоянии получать из текущей добычи у себя и в подвластных странах (главным образом в Румынии) не более 50% необходимого ей жидкого топлива—около 9,5 млн. тонн из расходуемых ежегодно 19 млн. Недостающее количество она покрывает из запасов, сделанных еще до войны против СССР и приходящих в настоящее время к концу.

Запасы смазочных масел, повидимому, уже полностью исчерпаны: разрыв между их производством и текущей потребностью частично восполняется таким малопригодным и дорогим заменителем, как оливковое масло.

Натуральный каучук, до войны импортировавшийся в количестве 80 тысяч тонн ежегодно, теперь почти полностью вытеснен искусственным каучуком («буна»), который далеко не во всех случаях может служить равноценной заменой.

С текстильным сырьем дело обстоит настолько плохо, что гитлеровцы приступили к изъятию у населения даже самых необходимых носильных вещей. За отказ «жертвовать» эти вещи «на нужды отечества» в гитлеровской Германии лишают продовольственных карточек или заключают в концлагерь.

Неоднократные признания самих же фашистов не оставляют никаких сомнений в том, что промышленность Германии страдает и от острого недостатка в рабочей силе. Газета

«Франкфуртер цейтунг» в начале января 1942 г. писала: «В 1941 году Германия почувствовала экономическое влияние войны гораздо острее, чем в 1940 году. Так, промышленность испытывает сильнейший недостаток в рабочей силе».

С того времени, в результате массовых мобилизаций рабочих для отправки на советско-германский фронт, положение с рабочей силой еще более ухудшилось. «Численность германской рабочей силы уменьшилась,—с тревогой писала в октябре 1942 г. гиммлеровская газета „Дас шварце кор“,—потому что эта война стоила много жертв и потребует их еще в будущем“. ¹⁾

Несмотря на вовлечение в производство женщин, детей, стариков, военнопленных и насильственно мобилизованных рабочих оккупированных и вассальных стран, общее число работающих, по данным „Франкфуртер цейтунг“, уменьшилось в 1941 г. по сравнению с довоенным временем на один миллион. В конце февраля та же газета определяла убыль рабочей силы в германской промышленности в два миллиона, очевидно, в связи с прошедшей в январе новой массовой мобилизацией рабочих на фронт“. ²⁾

О том же свидетельствуют показания немецких военнопленных. Один из них, проживший непосредственно перед отправлением на фронт всю первую половину марта в Берлине, отмечает на заводах этого города «острый недостаток в рабочей силе». Другой сообщает: «Гитлер мобилизовал в армию даже высококвалифицированных рабочих, инженеров и конструкторов. На моем заводе из двенадцати незаменимых специалистов девять взято в армию». ³⁾

Подобных свидетельств мы имеем большое количество, так как с февраля 1942 г. среди взятых в плен солдат гитлеровской армии резко возрос процент недавно мобилизованных на фронт рабочих.

Отсюда частые жалобы фашистской печати на падение уровня квалификации рабочих, занятых в военной промышленности. «Фелькишер беобахтер» констатировал этот факт уже в январе, накануне очередного изъятия из промышленности 30% всех рабочих. По своей демагогической привычке, эта газета льет крокодиловы слезы насчет «непосильного бремени», которое ложится на рабочих, остающихся у своих станков.

Непосредственным результатом сокращения квалифицированной рабочей силы является непрерывное падение производительности труда и столь же непрерывный рост несчастных случаев на производстве.

¹⁾ Цитировано в „Правде“ от 3/X 1942 г.

²⁾ См. „Правду“ от 20.I и „Известия“ от 1.III 1942 г.

³⁾ „Правда“ от 14.IV и 18.IV 1942 г.

Так, в начале 1942 г. в фашистской печати отмечалось, что в Рурской угольной промышленности «добыча снизилась до уровня, который вызывает тревогу», причем это явление ставилось в прямую связь с мобилизацией в армию многих опытных горняков. Тогда же магистрат города Герне, в районе которого расположены металлургические заводы, шахты и коксовые печи, довел до сведения властей, что «мобилизация рабочих на фронт все больше снижает производительность труда». В этом донесении подчеркивалось, что продукция предприятий г. Герне в феврале 1942 г. уменьшилась по сравнению с январем на 14%, не говоря уже об ухудшении качества продукции.¹⁾

Германской промышленности не приходится рассчитывать и на приток квалифицированного пополнения за счет обученных подростков. В начале мая газета «Гамбургер фремпен-блат» отметила, что недостаток молодежи создает в стране «чрезвычайное напряженное положение». Число выпускников из мужских школ упало по сравнению с 1934 г. на 100 тысяч и продолжает быстро уменьшаться и далее. Отсюда и нехватка учеников для ремесленных и профессиональных школ, где число незамещенных вакансий достигло 200 тысяч! Нетрудно понять, какими последствиями грозит это явление германской промышленности уже в ближайшем будущем.

Недостаток в неквалифицированной рабочей силе, конечно, может быть восполнен несколько легче. Помимо вовлечения в промышленность женщин, стариков и детей, гитлеровцы широко используют принудительный труд так называемых «иностранных рабочих».

Как уже отмечалось выше, число «иностранных рабочих», занятых в германской промышленности, достигает двух с половиной миллионов, и эта внушительная цифра имеет тенденцию к дальнейшему росту. Эти рабочие размещены группами в 300—500 человек в особых «трудовых лагерях», число которых в Германии давно перевалило за 5000 и теперь приближается, вероятно, к 8000. Живут они в отвратительных деревянных бараках, в самых антисанитарных условиях. Они получают плохое питание и лишены бытового обслуживания, так как немецким сапожникам, парикмахерам и т. п. «рекомендовано» держаться от таких клиентов подальше.

Рабочий день этих «белых рабов» фашистской Германии продолжается 12—14 часов. Они не имеют права прервать работу или же вернуться на родину без разрешения гитлеровских властей. Они обязаны, как лицемерно заявляет Фелькишер

¹⁾ См. „Правду“ от 4.III и от 10.III.

беобахтер“, „сберегать свой заработок, для чего должны приобрести специальные сберегательные марки“, иными словами, они фактически лишаются заработной платы. ¹⁾ Редким счастливым удается спастись от этой каторги бегством на родину, для большинства же единственным извращением является увечье или смерть. „Кельнше цейтунг“ с эническим спокойствием констатировала недавно, что „смертность среди рабочих, ввезенных в Германию из Польши и других оккупированных стран, по меньшей мере равна смертности среди солдат, находящихся в составе германских вооруженных сил“. ²⁾ Недаром гитлеровцы предоставили своим иностранным рабам одну только привилегию: льготный железнодорожный тариф при перевозке на родину их трупов...

Производительность труда иностранных рабочих, естественно, очень низка—либо в виду слабой их квалификации, либо в результате замедленных темпов работы и других форм саботажа, применяемых ими. Предприятия, в которых они заняты, дают к тому же наибольшее число несчастных случаев, аварий, поломок станков и т. п. «Франкфуртер цейтунг», сообщая в конце марта, что «волна несчастных случаев захлестнула германскую промышленность», раздраженно замечает, что на 80% виноваты в них сами же иностранные рабочие, и требует по отношению к ним решительных репрессий. ³⁾ И действительно, только за февраль 1942 г. на заводах Эльбы, Лейна, Мерзенбурга, Нюрнберга погибло около 10 тысяч французских, итальянских и испанских рабочих. ⁴⁾ На заводах г. Герне в январе было 196 случаев со смертельным исходом, в феврале уже 239. На военном заводе в Хемнице в феврале произошло 179 случаев поломки машин, а производительность труда по сравнению с январем упала на 21%. Такие же данные имеются по заводам в Бохуме, Эссене, Дюссельдорфе.

Для борьбы с саботажем фашистские власти применяют угрозы, усиливают террор, устанавливают на военных заводах специальные посты штурмовиков, создают «полицейские комиссии» для расследования причин аварий. Однако ни судебные приговоры за «отказ от работы», ни участвовавшие в последнее время казни за акты саботажа, ни усиленный контроль над всеми звеньями производства не дают достаточного эффекта.

1) „Труд“ 11. XI (Заметка „Воровские махинации гитлеровских работодателей“).

2) „Правда“ от 22. X.

3) См. „Известия“ от 5. IV 1942 г.

4) „Правда“ от 28. III 1942 г.

5) См. „Правду“ от 5. III, 10. III, 24. III, 13. IV, 27. V и др.

У гитлеровцев с каждым днем имеется все больше оснований относиться с недоверием и к работе немецких рабочих. Недаром статьи гитлеровцев, посвященные промышленности, пестрят угрозами вроде следующей: «кто забудет о своем долге, тому напомнят о нем силой». ¹⁾

Такую же неутешительную для гитлеровцев картину представляет и транспорт. Трудности здесь обострились еще осенью 1941 г. Перегруженность транспорта огромными военными перевозками и все более заметный недостаток топлива привели прежде всего к резкому сокращению на железных дорогах пассажирского движения. С января 1942 г. гражданское население было фактически лишено возможности свободно пользоваться железной дорогой. Были созданы особые транспортные бюро, без разрешения которых железнодорожные билеты не продавались. Пользование же автотранспортом, ввиду острой нехватки бензина, было разрешено только для «военных и жизненно важных целей».

Дело однако не ограничилось ущемлением интересов гражданского населения. Все возрастающая дезорганизация железнодорожного движения начала сильно сказываться и на военных перевозках. Весною 1942 г. «Кельнише цейтунг» признала, что «железная дорога переживает тяжелые дни». Паровозы и вагоны, — сообщает эта газета, изношены, десятков тысяч вагонов не хватает, ремонт железнодорожного полотна почти прекращен и т. д. К лету разруха на железной дороге, усугубляемая многочисленными актами саботажа, ²⁾ приняла тревожный характер. Об этом косвенно свидетельствует отставка заместителя министра путей сообщения Клейнмана, специалиста-железнодорожника и видного члена гитлеровской партии. Эту отставку в самой Германии справедливо рассматривали как серьезное предупреждение и самому министру Дорпмюллеру. ³⁾ Однако, никакие предупреждения и перестановки среди начальствующих лиц не в состоянии спасти германские железные дороги от дальнейшего развала.

Одним из весьма важных факторов прогрессирующего упадка германской промышленности и транспорта являются английские бомбардировки. Массированные налеты на центры промышленности, порты и крупные железнодорожные узлы, налеты, в которых участвовало одновременно до тысячи англо-американских самолетов, оказались необычайно эффективными. Промышленность таких городов, как

1) „Нац. цейтунг“ (цит. в „Красной звезде“ от 1.IV 1942 г.).

2) О саботаже и диверсионных актах на германских ж.д. см. специальные сообщения в „Правде“ от 18.VI 1942 г.

3) См. заметку в „Красной звезде“ от 30.V 1942 г.

Эссен, Кельн, Дуйсбург, Оберхаузен, Росток, Бремен, Любек, оказалась в значительной части разрушенной. Особенно тяжелый удар германской военной промышленности нанесен бомбардировками Рейнско-Вестфальской области, где расположено от 40 до 60% всех авиационных, машиностроительных и сталелитейных заводов Германии.

Насколько мрачными, в связи с этим, стали перспективы нормальной работы военно-промышленных предприятий в Германии, об этом свидетельствует такой факт, как систематически производимая в последнее время эвакуация этих предприятий из северо-западных районов в юго-восточные, менее достижимые для английской авиации, а также в Чехословакию, Верхнюю Силезию, Хорватию.¹⁾

Суммируя данные о состоянии германской промышленности и транспорта в 1942 году, мы можем сказать, что эти важнейшие отрасли народного хозяйства находятся с конца 1941 года в процессе неуклонного падения. Никакие «реорганизации», предпринимаемые гитлеровцами, не в состоянии исцелить германскую военную экономику от ее органических пороков. Попытки крупнейших концернов перенять американские приемы и темпы развертывания военного производства обречены на провал. Ограниченность сырьевых ресурсов и их непрерывное истощение, перманентный кризис рабочей силы, невозможность даже на крупнейших предприятиях полностью сменить изношенное оборудование и расширить внедрение поточной системы,—таковы предпосылки развала германской военной промышленности. В настоящее время только ценою величайшего напряжения и беспощадной эксплуатации ресурсов как самой Германии, так и всех вассальных или покоренных стран Европы—гитлеровцы еще в состоянии обеспечивать беспредельно растущие нужды фронта в боеприпасах и военной технике. Но их возможности в этом отношении с каждым днем все более суживаются.

Сельское хозяйство и продовольственное положение Германии

Наряду с промышленностью, решающее значение для исхода борьбы, как показал опыт первой мировой войны, имеет состояние сельского хозяйства. В 1914—1918 гг. сельское хозяйство Германии непрерывно падало: посевная площадь под важнейшими культурами сократилась за четыре года почти на 1,5 млн. га, сбор хлебов и картофеля на 50%, поголовье скота—на 15—20%. Все это, в соединении с продовольственной

¹⁾ „Красная звезда“ от 3.IV 1942 г.

блокадой, обрекло население Германии на «организованный голод» и сыграло немалую роль в ее военном разгроме.

Понятно, что гитлеровцы в своих планах «тотальной» войны вопросам продовольственного снабжения уделили большое внимание.

Каким же путем они пытались решить эти вопросы?

Германия до войны покрывала не менее 20% своих потребностей в с.-х. продуктах ввозом из других стран. Для некоторых видов продуктов, в частности для жиров, этот процент поднимается до 50.

Исходя из расчетов на «блицкриг», гитлеровцы полагали, что им удастся устранить основные трудности следующими путями:

Во-первых, путем накопления продовольственных запасов внутри страны. В последние годы перед войной происходил усиленный ввоз в Германию зерна, значительно превышавший нормальное потребление.

Во-вторых, — путем rationирования важнейших продуктов питания с первого же дня войны. Это и было сделано, причем потребление гражданским населением хлеба и мучных изделий было урезано на 20% против нормы, мяса — на 50%, сахара — тоже на 50%, жиров — на 65%.

В-третьих, — путем ограбления побежденных народов, сообразно гитлеровскому бандитскому положению: «война сама себя питает». Известно, что гитлеровские захватчики провели эту операцию очень основательно. В результате, сельское хозяйство не только оккупированных, но и вассальных стран было разрушено, а их население обречено на жесточайшие лишения и голод. В одной Франции в течение 1941 года на почве голода умерло около миллиона человек; Польша, Греция и многие другие страны пострадали еще больше. Что касается населения самой Германии, то оно выиграло от этого грабежа немного: большую часть запасов продовольствия оккупированных территорий сожрала гитлеровская армия.

Как бы там ни было, перечисленные «мероприятия» могли на некоторое время только смягчить остроту продовольственного кризиса в Германии, но не устранить его. Ибо необходимость содержать многомиллионную армию в условиях затяжной войны неизбежно вела и ведет ко все большему увеличению дефицита в продовольственном балансе Германии. Таким образом, решающая роль в вопросе о продовольственном снабжении принадлежит все же самому германскому сельскому хозяйству.

Гитлеровцы до войны очень много кричали об «автаркии», т. е. о полной независимости Германии от сельскохозяйствен-

ного импорта из других стран. Однако их довоенные мероприятия в области сельского хозяйства не только не приблизили Германию к «автаркии», но еще создали предпосылки для быстрого развала германской продовольственно-сырьевой базы.

После захвата власти Гитлер приступил к «перестройке» сельского хозяйства, что выразилось в укреплении крупно-помещичьего сектора, получившего от государства огромные субсидии, и в насаждении за счет мелкого и среднего крестьянства кулацкого землевладения. Возможно, что помимо политического расчета—ставки на помещика и кулака, как на свою социальную опору в деревне—Гитлер руководствовался еще и соображениями экономического порядка: большей товарностью кулацко-помещичьего хозяйства по сравнению с мелким крестьянским хозяйством. Но факт тот, что гитлеровская политика в деревне привела к самым тяжелым последствиям для германского сельского хозяйства.

Обезземеление мелких и средних крестьян и ухудшение условий труда сельских наемных рабочих вызвало массовое бегство из деревни в город. Вот почему уже задолго до войны сельскому хозяйству нехватало рабочих рук в таких размерах, что даже все возраставшее использование сезонных пришлых рабочих из соседних стран не в состоянии было заткнуть образовавшуюся брешь.

Война еще более обострила проблему обеспечения германского сельского хозяйства рабочей силой. Военные мобилизации, особенно с момента нападения на СССР, обезлюдили немецкую деревню еще больше, чем город. Если уцелевшие мелкие крестьянские дворы могли еще кое-как держаться с помощью труда оставшихся женщин и детей, то для кулацко-помещичьих хозяйств необходим был другой выход. Этот выход гитлеровцы пытались найти, как и для промышленности, в широком применении подневольного труда военнопленных и «иностранных рабочих». Но, с одной стороны, полтора-два миллиона «белых рабов» не могли возместить убыли пяти-шести миллионов крестьян и батраков, призванных в армию, с другой—их труд оказался и здесь малопродуктивным.

Осенью 1941 г. гитлеровцы ввели принудительный труд в сельском хозяйстве для городских женщин. Судя по жалобам в фашистской печати, что «женщины увивают от работы в деревне», что «на германских крестьянках лежит чудовищная трудовая ноша: они работают с утра до вечера, но управиться все таки не могут»,—эта мера не достигла цели. В марте и апреле 1942 г. были изданы новые постановления, угрожающие городским жителям за отказ от работы в деревне преданием суду и лишением пенсий; полевые работы были сделаны обя-

зательными и для детей с 10-летнего возраста. Но и после этого проблема рабочих рук для деревни осталась неразрешенной.

В этом отношении показателен доклад доктора Камла в феврале 1942 г. на берлинском съезде сельскохозяйственных организаций, напечатанный в «Дейче альгемейне цейтунг». Докладчик подчеркивает огромную нехватку рабочих в сельском хозяйстве, говорит о невозможности дальнейшего изъятия оттуда новых людей для армии, о полном отсутствии в деревне компетентного руководства (агрономов и пр.), о слабом участии женщин в сельскохозяйственном производстве. В заключение Камл выдвинул требование, подсказанное, несомненно, крупными помещиками,—приравнять сельское хозяйство в отношении распределения рабочей силы к предприятиям военной промышленности. Это означало, что крупные помещичьи имения должны обеспечиваться рабочими преимущественно перед кулацкими хозяйствами, следовательно, за счет последних.

Домогательства помещиков были позже поддержаны «Советом по вооружению», члены которого представляют не только интересы финансового капитала, но и помещичьего землевладения.

Министр земледелия и продовольствия Вальтер Дарре, один из «столпов» гитлеровского режима, демагогически заигрывавший всегда с кулаками, попытался дать отпор этим домогательствам, но потерпел поражение и в мае был вынужден уйти в отставку. Помещики одержали таким образом верх над кулаками, получив монополию на эксплуатацию дешевого труда «белых рабов».

Вся эта грызня внутри гитлеровской клики показывает, насколько обострилась в последнее время проблема рабочих рук для сельского хозяйства. Картина получается точно такая же, как в промышленности: «тришкин кафтан». Не увеличивая ни на одного человека общей суммы занятых в сельском хозяйстве рабочих, новое решение только перераспределяет наличные кадры.

Но проблемой рабочей силы затруднения сельского хозяйства не исчерпываются. Очень плохо обстоит дело и с минеральными удобрениями, без которых почва Германии дает низкую урожайность. В 1937 г., когда было ввезено свыше миллиона тонн фосфатов (гл. образом из Америки), немецкие специалисты уже заговорили о «фосфатном голоде». С 1940 года ввоз удобрений совершенно прекратился и их стали распределять по карточкам. Это одна из причин недорода 1941 года и еще более сильного недорода 1942 года.

Недостаток в живой тягловой силе, в виду мобилизации коней, невозможность использовать тракторы, ввиду отсутствия горючего, несвоевременный подвоз посевных материалов, вследствие плохой работы транспорта,—таковы дополнительные причины и факторы катастрофического состояния германского сельского хозяйства.

Темпы развала этого хозяйства ускоряются гитлеровской политикой в деревне, озлобляющей крестьян и побуждающей их сокращать производство до размеров, необходимых для удовлетворения только их собственных потребностей. В деревне орудуют до 600 тысяч «ортсбауэрифиуреров», которые определяют количество продуктов, подлежащих сдаче государству, контролируют продукцию каждого крестьянского двора, удой коров и т. п.

Письма из немецкой деревни на фронт и показания военнопленных рисуют картину тяжелой жизни и озлобленности крестьянской массы. Вот типичное показание одного пленного: «Война окончательно разорила многих немецких крестьян. У них забирают почти весь урожай. Отец собрал осенью прошлого года 10 центнеров пшеницы. 9 центнеров у него реквизировали... Ни один крестьянин не может распоряжаться молоком своей коровы: 80% молока у него забирают. Расплодилось множество контролеров и инспекторов, которые ходят по домам и амбарам и устраивают обыски». ¹⁾

Крестьяне реагируют на насилия гитлеровских властей не только глухим недовольством, но и саботажем в поставках продуктов государству. Выколачивать из крестьян эти продукты приходится с таким напряжением, что сами же фашистские газеты называют эту операцию «продовольственной битвой». Министерство продовольствия угрожает крестьянам за несдачу зерна к определенному сроку «крайними мерами».

Несмотря на цензурные рогатки, за пределы Германии проникают сведения о деятельности каких-то тайных крестьянских комитетов, призывающих не сдавать продуктов гитлеровскому правительству. В Баварии, считавшейся оплотом гитлеризма, возник даже антигитлеровский крестьянский союз, называющий себя именем революционного объединения крестьян в XVI веке—«Союзом Башмака».

Неудивительно, при таких условиях, что падение производительности сельского хозяйства происходит значительно быстрее, чем в 1914—1918 гг., и что со столбцов фашистских газет не сходят жалобы на неурожай и опасения за ближайшее будущее сельского хозяйства. «Дас Райх» констатирует, что в Вестфалии «около 60% озимых погибло»; «Вестдейчер

¹⁾ Цит. в „Правде“ от 22.V 1942 г.

беобахтер» тревожится в июне, что в восточных областях еще не закончена посадка картофеля, и далее замечает: «Мы не справились с трудностями. Вследствие продолжительной засухи состояние посевов неважное, так что нельзя ждать хорошего урожая». «Франкфуртер цейтунг» пишет: «Нельзя надеяться, что урожай 1942 г. изменит что-либо в продовольственном положении Германии». «Ландпост» сообщает, что во многих местах озимые посевы погибли, с весенним севом неблагоприятно, и приходит к неутешительному выводу: «Сельское хозяйство идет к развалу, и Германии грозит голод». Такую же безрадостную картину рисует журнал «Дейче фольксвирт»: «Невыполнение осеннего сева, ущерб, нанесенный морозами, шестинедельное запоздание весеннего сева — все это поставило сельское хозяйство в исключительно тяжелое положение. Большая часть посевов погибла. Сильнее всего пострадали посевы масличных культур». Другие газеты сообщают также о гибели фруктовых деревьев, ягодных культур, виноградников, о сильнейшем недостатке кормов для скота и пр.¹⁾

Непосредственным результатом развала сельского хозяйства является резкое ухудшение продовольственного положения Германии. 6 апреля 1942 г. гитлеровцы были вынуждены урезать и без того скудный рацион немецкого населения: хлебный паек был снова сокращен на 11%, мясной — на 25%, ничтожная норма жиров уменьшена еще на 23%. Характерно как мотивируется это мероприятие:

«После тяжелой зимы, — пишет «Берлинер Берзецейтунг», — мы стоим перед фактом новой урезки продовольственных норм. Несомненно, это вызовет новые заботы домашних хозяек, задачи которых были и до того нелегкими. Сокращение продовольственных норм, как ни тяжело оно для всего народа, является настоятельной необходимостью. Его нельзя было откладывать, чтобы не подвергаться риску оказаться в гораздо более тяжелом положении в ближайшее время». ²⁾

Эти фразы представляют образчик обычного гитлеровского лицемерия. Факт тот, что в городах население начало голодать уже задолго до введения новых норм — еще с осени — зимы 1941 г. В городах Гамбурге, Везеле, Вареле, Штутгарте и многих других, по сообщениям из самых разнообразных источников, уже в январе — феврале десятки и сотни людей умирали от голода. Раньше всего начали страдать от голода неквалифицированные рабочие и семьи солдат. Но и положение

¹⁾ См. „Красную Звезду“ от 24.V и 12.VI, „Правду“ от 25.V (статья Модестова) и от 21.VI.

²⁾ Цит. по „Кр. Звезде“ от 3.IV 1942 г.

ние наиболее «привилегированной» группы—рабочих военной промышленности—скоро оказалось не лучшим. Достаточно сказать, что для них хлебный паек установлен в размере 285 г. в день. В ряде городов население по целым месяцам не получает даже голодной нормы жиров, а прочие продукты выдаются с большими перебоями и в количествах, не соответствующих установленным нормам. Фашистские газеты признают, что многие, простояв целый день в длинейших очередях перед магазинами, уходят с пустыми руками. ¹⁾ Как правило, продовольственные магазины большую часть времени абсолютно пусты. Катастрофическое состояние транспорта препятствует доставке даже тех продуктов, которые имеются в наличии.

На почве недоедания и голода пышным цветом распустилась спекуляция продуктами первой необходимости. «В деревнях и имениях,—сообщает одна газета, ²⁾—отмечаются случаи появления гражданского населения и военных с целью покупки или обмена продуктов. Продавцы и покупатели будут строго наказаны». Повсюду в городах возникли «черные рынки», где продукты продаются из-под полы, несмотря на введение смертной казни за спекуляцию. По рассказам иностранцев, прибывающих из Берлина, в этом городе спекулируют продуктами не только немцы, но даже служащие итальянского посольства. ³⁾ Геббельс с мрачной иронией висельника называет своих соотечественников, обращающихся к услугам черного рынка, «людьми, которые рискуют головой, чтобы наполнить желудок».

Для широких масс трудящихся этот способ спастись от голода, конечно, недоступен. Некоторые употребляют в пищу самые невозможные суррогаты. «Гамбургер френденблат» и «Дейче рундшау» в мае сообщали о массовых заболеваниях, иногда со смертельным исходом, от употребления ревеня и т. д. ⁴⁾ Впрочем, и официальные фашистские «эрзацы» отличаются не очень высоким качеством. Весною 1942 г. из Германии был привезен кусок пайкового хлеба. Химический анализ показал, что в его состав входит значительный процент древесной коры, обращенной в порошок. ⁵⁾

Смерть от голода и истощения, самоубийства на почве голода—становятся в гитлеровской Германии повседневным

¹⁾ О голоде в Германии см., например, сообщения Совинформбюро от 16.I, 20.I, 26.II, 17.III, 18.III, 23.III, 17.IV. См. также „Правду от 13/X 1942 г.

²⁾ См. „Красн. Звезду“ от 12.VI.

³⁾ Цит. в „Кр. Звезде“ от 20.V.

⁴⁾ Цит. в „Правде“ от 25.V.

⁵⁾ Сообщение английских газет, цит. в „Правде“ от 22.V.

явлением. Особенно возросла смертность среди детей. Широкое распространение получили также различные инфекционные детские заболевания (дифтерия, скарлатина) с высоким процентом умерших. Шведская газета «Арбетет» в статье «Война и болезнь» приводит следующие данные: в 1941 г. число заболевших в Германии дифтерией возросло, по сравнению с 1931 годом, более чем в два с половиной раза, дизентерией—в пять раз, скарлатиной—в восемь раз; необычайно выросло число детей, больных туберкулезом.¹⁾ В 1942 г. в связи с дальнейшим ухудшением продовольственного положения, эти цифры дали новый скачок вверх. В одном только Дрездене в феврале 1942 г. умерло от голода и болезней 3940 детей. В ряде городов пришлось закрыть все школы. Медицинская помощь детям почти не оказывается, так как все врачи мобилизованы в армию.²⁾

Но и взрослое население платит обильную дань различным эпидемиям и болезням, порождаемым недоеданием. В январе 1942 г. шведская газета «Нашунель Тиддин» писала о широком распространении в Германии заболеваний цынгой.³⁾ Стремительно ползет вверх кривая заболеваний туберкулезом. В течение зимы и весны 1942 г. грозные размеры приняла эпидемия сыпного тифа. В Гамбурге только один месяц январь дал 960 случаев смерти от сыпного тифа, в Бреславле за январь—февраль количество умерших исчислялось тысячами, в Дортмунде к началу марта все больницы были переполнены сыпнотифозными больными и т. д. Дело дошло до того, что газетам с 1 января было запрещено публиковать статистические сведения о заболеваниях. «Фюрер по здравоохранению» Конти вынужден был официально признать наличие в Германии эпидемии сыпного тифа и возглавить кампанию «по уничтожению вшей».⁴⁾

Если в 1914—1918 гг. от голода и его последствий в Германии умерло, по официальным данным, 913000 человек, то один только 1942 год принес более обильную и страшную жатву.

Не лишено интереса еще одно явление, связанное с продовольственным кризисом. С конца 1941 г. в Германии необычайно возросло число краж, ограблений, налетов на продовольственные базы, поезда, склады и т. п. В Ростокe было рассмотрено военным судом за десять дней февраля 72 дела по таким преступлениям. По приговору того же суда в конце

1) Цит. в „Правде“ от 15.III.

2) См. сообщения Совинформбюро от 15.I 29.III и пр.

3) Цит. в „Правде“ от 21.I.

4) См. „Правду“ от 25.I, 6.II, 6.IV и др.

февраля было казнено несколько составителей поездов за хищение продуктов. В Глохау была осуждена за налеты на продовольственные склады целая вооруженная группа. Среди осужденных этой категории имеется большой процент военных и СС-овцев.¹⁾

На фоне всеобщего голода, обнищания, экономической разрухи и неслыханных страданий широких масс германского народа выступает отвратительная картина разгула гитлеровской клики и преступного обогащения плутократии. Картина эта уяснится при рассмотрении финансового положения Германии.

Финансы гитлеровской Германии

Изречение генерала XVII века Монтекукули: «Война требует трех вещей—денег, денег и еще раз денег», сохраняет смысл и в нынешних, резко отличных условиях организации войны. Англия ежедневно расходует на войну около 15 миллионов фунтов стерлингов, почти на 80% больше, чем в первую мировую войну. США ассигновали на военные нужды грандиозную сумму—свыше 200 миллиардов долларов. Ясно, что финансовое напряжение Германии, не располагающей даже и в отдаленной степени такими денежными ресурсами, как США и Англия, должно быть во много раз большим.

Согласно сделанным в экономической литературе подсчетам, Германия израсходовала за первые 28 месяцев войны (сентябрь 1939 г.—март 1942 г.) 176 миллиардов марок, на 29 млрд. больше, чем за 51 месяц первой мировой войны. В 1942 г. ежемесячные расходы Германии достигли 7 миллиардов марок, вдвое больше, чем за период 1939—1941 гг. и почти втрое больше средней цифры ежемесячных расходов 1914—1918 гг.

Между тем, народное богатство гитлеровской Германии при ее вступлении в войну было во всяком случае не выше, а скорее даже ниже народного богатства в 1914 г.; то же касается и ежегодного национального дохода. Таким образом не только абсолютно, но и относительно финансовое напряжение Германии теперь значительно выше, чем в 1917—1918 гг., когда она докатилась до полного государственного банкротства.

Откуда же черпают гитлеровцы средства для ведения войны, длящейся уже свыше трех лет.

Во всех воюющих странах важнейшим источником покрытия военных расходов является народный доход. В гитлеровской Германии дело обстоит не совсем так.

¹⁾ См. там же от 20.I, 8.II, 1.III.

Согласно подсчетам академика Варга, национальный доход Германии за период сентябрь 1939 г.—март 1942 г. составил 200 миллиардов марок, военные же расходы за то же время равнялись 146 миллиардам, а гражданское потребление—минимум 124 миллиардам. Следовательно, общая сумма потребления исчисляется в 270 млрд. марок, на 70 млрд. выше суммы народного дохода.

Естественно, что эта недостача могла быть покрыта только за счет основного капитала, или иначе—народного богатства страны. Другими словами, за первые 27 месяцев войны народное богатство Германии уменьшилось на 70 млрд., или на одну треть всего народного богатства, исчисляемого в 225 млрд. ¹⁾

В этих подсчетах не приняты, повидимому, во внимание результаты ограбления гитлеровцами большинства стран Западной Европы. Помимо вывоза из оккупированных территорий военной добычи, гитлеровцы обложили еще население этих территорий постоянной данью. Так, Франция, якобы на содержание оккупационной армии, должна ежедневно вносить Германии 400 млн. франков. Фактически на содержание армии расходуется 125 млн., остальное используется гитлеровцами для финансирования войны и для приобретения французских ценностей.

Чехо-Моравский „протекторат“ платит 114% своего военного бюджета, Бельгия—75%, Дания—100% и т. д. Всего Германия извлекла таким путем из оккупированных и вассальных стран Западной Европы 4,2 миллиарда долларов. Сверх того, специально созданная „Германская кредитная касса“, с отделениями во всех оккупированных странах, выпускает беспроцентные бонь, запрещенные к ввозу в Германию и являющиеся дополнительным средством финансового ограбления этих стран. Таких бонь выпущено пока что на сумму не менее 3 млрд. марок. Наконец банки оккупированных стран вынуждены принимать различные обязательства германских валютных органов, что является скрытой формой переложения бремени военных расходов в какой-то части на побежденные государства. ²⁾

Однако, все эти источники дают небольшую часть средств, необходимых для покрытия огромных военных расходов, и к тому же, ввиду обнищания и разорения всей Западной Европы, чрезвычайно быстро иссякают.

1) См. статью ак. Е. Варга „Уменьшение народного богатства Германии во время войны“ (Мировое хозяйство и миров. политика“ № 3—4 за 1942 г.). Ср. статью Злобина „Валютно-финансовый разбой германского фашизма“ в том же журнале № 8 за 1942 г.

2) См. указ. статью Злобина, а также статью И. Филиппова „Гитлеровцы грабят Европу“ в „Известиях“ от 13/XII 1942 г.

Большую часть народного богатства составляет, как известно, недвижимое имущество—дома, заводы, фабрики и пр., которые не могут быть потреблены до конца. К тому же потребление основного капитала (износ машин, станков, зданий и т. д.) влечет за собою неуклонное сокращение и народного дохода. В том же направлении действует и резкое уменьшение числа производителей новой стоимости ввиду мобилизации на фронт мужчин призывных возрастов.

В итоге все растущие расходы на войну могут теперь покрываться главным образом за счет ограничения гражданского потребления, т. е. той доли народного дохода, которая не идет непосредственно на цели войны.

Этот процесс и происходит в гитлеровской Германии. Но для того, чтобы понять все его значение и неизбежный финал, необходимо еще выяснить, во-первых, какими путями и способами осуществляется сокращение гражданского потребления, во-вторых, как и в каком направлении идет перераспределение народного дохода между различными слоями и классами Германии во время войны.

Свыше половины всего народного дохода выкачивается из германского населения с помощью налогового пресса. В 1940 г. сумма налогов выросла до 27,2 млрд. марок, превосходя налоговое обложение 1932 года более чем в четыре раза. В 1941 г. по налогам было взято около 30 млрд. Всего за первые 27 месяцев войны получено от этого источника 73,6 млрд. марок.

На втором месте стоят государственные займы, которые являются дополнительным способом ограничения гражданского потребления. В то же время они являются способом перекачки сбережений довоенных лет в каналы военных расходов. В результате выпуска все новых займов государственный долг увеличивается непрерывно и притом в возрастающей прогрессии. Так, в 1940 г. сумма государственного долга возрасла ежемесячно—в первом полугодии на 2,5 млрд. марок, во втором полугодии—на 3,26 млрд. марок; в 1941 году—в первом полугодии на 3,8 млрд., во втором полугодии на 4,5 млрд.¹⁾ В марте 1942 г. общая сумма государственного долга достигла таких же размеров, как на 50-м месяце первой мировой войны—100 млрд. марок.

Однако, средств, добываемых этими двумя способами, нехватает для покрытия огромных военных расходов. В последнее время гитлеровцы, при всех их усилиях сохранить устойчивость своей валюты—марки, все чаще прибегают к

¹⁾ Цифры взяты из статьи ак. Варга в „Правде“ от 24.I 1942 г.

услугам печатного станка. Так, согласно отчету Рейхсбанка, денежная масса, обращавшаяся внутри страны, возросла за 1941 год с 5,5 млрд. марок до 22,3 млрд.—в четыре раза! При этом характерно, что темпы роста инфляции непрерывно ускоряются. Так, в первом квартале 1941 года денежная масса возросла на 60 млн. марок, а в первом квартале 1942 года—на 347 млн. марок. ¹⁾ Гитлеровские „экономисты“ пытаются объяснить этот факт «расширением территории Третьей империи», а также необходимостью выплачивать большие суммы армиям, расположенным в «с о ю з н ы х» государствах. Но это объяснение не выдерживает критики. На временно захваченных фашистами территориях имеют хождение не «рейхсмарки», а особые бумажные деньги, абсолютно ничем не обеспеченные и представляющие плохо скрытое орудие ограбления жителей этих территорий; солдаты же, размещенные в вассальных странах, получают жалованье не в марках, а в валюте этих стран.

Таким образом, рост бумажно-денежной массы представляет не что иное как и н ф л я ц и ю. Министр народного хозяйства Функ, выступивший в г. Нюрнберге в марте 1942 г. с речью об экономическом положении Германии впервые заговорил о «чрезмерном росте денежного обращения», т. е. фактически признал наличие денежной инфляции. «Количество товаров в Германии,—заявил он,—постоянно уменьшается, вследствие чего крайне усиливается давление денег на рынок предметов широкого потребления». ²⁾

Крупные и мелкие капиталисты, стремясь предохранить свои прибыли от обесценения, вкладывают свободные средства в «реальные ценности»—в земли, в акции промышленных предприятий, в картины, бронзу, фарфор, ковры и т. д. Фашистские заправилы не отстают в этом отношении от дюжинных спекулянтов. Геббельс в 1940 г. приобрел 2100 акций Суэцкого канала и одно имение под Берлином, Геринг скупил значительную часть акций французских заводов Шнейдер—Крезо, чехословацких угольных копей, норвежских железных рудников. Все фашистские заправилы хранят в заграничных банках миллионные суммы.

Функ недавно упрекал своих имущих соотечественников в том, что они предпочитают помещать свои средства в акции, а не в государственные бумаги, хотя последние приносят больший доход. ³⁾ Этот упрек легко обратить и против самого

1) „Нейе цюрихер цейтунг“, цит. в „Правде“ от 16.VII 1942 г.

2) См. „Известия“ от 29.III 1942 г.

3) См. „Известия“ от 29.III 1942 г.

Функа, который, в качестве акционера моторостроительного завода в Ольденбурге, недавно устроил свои прибыли.

О размерах тех сумм, которые таким образом отрываются от общей массы народного дохода и капитализируются в руках правящей в Германии олигархии плутократов, можно составить себе приблизительное представление, если учесть бешеный рост их военных прибылей. Так, например, общество «Континенталь—Гуммиверке» выплатило в 1940 г. своим акционерам дивиденды в размере 14%, вместо довоенных 7—8%; химический концерн «ИГ Фарбениндустри» увеличил за то же время свой капитал на 48,5 млн.; Компания «Сименс и Гальске» увеличила свои прибыли с 16,3 до 20,4 млн. и выплатила 10% дивидендов в сумме 157,1 млн.; акции компании «Рейнбраун» принесли их держателям 12% прибыли и т. д. Число миллионеров в военной промышленности увеличилось за два-три года на 1200 человек.

В руки той же плутократии попала и значительная часть награбленной в Европе ценной добычи: заводы, фабрики, рудники, банки, поместья.

Чем больше растут прибыли кучки капиталистов, тем меньше та часть народного дохода, которая распределяется между всеми другими слоями германского народа, тем сильнее ложится на их плечи бремя расходов на войну. Налоги, принудительные займы и удержания, падение покупательной стоимости денег вследствие инфляции—все это бесконечно урезывает и без того скудный бюджет германских рабочих и служащих. Помимо голодного пайка, они ничего не в состоянии купить себе на свою заработную плату. Об одежде, обуви и других предметах потребления не приходится и думать.

Таким образом, ипроедание основного капитала и сокращение доли гражданского потребления в народном доходе совершается исключительно за счет трудовых масс.

Однако, обе эти операции имеют свой предел, как имеет свой предел снижение жизненного уровня германского народа. Приведенные выше данные о продовольственном положении в Германии свидетельствуют о том, что этот предел в 1942 году уже достигнут. Между тем без дальнейшего завинчивания налогового пресса гитлеровцы не в состоянии финансировать войну. Они стоят перед полным финансовым крахом, который постигнет их, возможно, еще раньше, чем они испытают военный разгром.

Морально-политическое состояние Германии

Наполеон, которому никто не откажет в глубоком знании всего, что касается войны, неоднократно говорил: «Моральные силы составляют во время войны более чем половину реальных условий победы».

Гитлер, стараясь во всем обезьянничать с Наполеона, повторяет эту истину. Но в переводе на его бандитский язык она звучит несколько по-иному: допустима любая демагогия, любая ложь для укрепления морального духа своего народа; допустима любая гнусность, любое преступление для деморализации противника, для разложения его армии и его тыла.

Что касается второй цели, то в Советском Союзе она оказалась абсолютно недостижимой. Здесь Гитлеру противостоят такие моральные силы, которые он по своей мещанской ограниченности не в состоянии даже понять, хотя он уже успел почувствовать их мощь на своей собственной шкуре.

Как же обстоит дело с его первой целью? Удалось ли ему с помощью демагогии и лжи укрепить свой тыл и обеспечить прочное морально-политическое единство германского народа?

Отрицательный ответ на этот вопрос вытекает из всего предшествующего изложения. Однако детали той картины, которую представляет в морально-политическом отношении нынешняя Германия, весьма противоречивы и, в зависимости от той или иной фазы войны, приобретают различное значение для общего вывода. Поэтому необходимой предпосылкой такого вывода является тщательный анализ этих деталей, не говоря уже о том, что они и сами по себе полны для нас большого и поучительного интереса.

Хорошо известно, что гитлеровской клике за девять-десять лет ее безраздельного господства в Германии удалось развратить в морально-политическом отношении значительные слои немецкого народа. Молодое поколение, выросшее за годы гитлеровской диктатуры, воспитанное школой в духе крайнего шовинизма, милитаризма, казарменной дисциплины, пропущенное через организации «Гитлер югенд» («Гитлеровская молодежь»), дало основные кадры для немецко-фашистской грабь-армии. Это — духовно опустошенное поколение, чуждое всяких идеалов, проникнутое страстью к разрушению, признающее только грубую силу, бесчеловечное в своей жестокости, отвратительное в своей ненасытной алчности и грязной разнузданности, готовое слепо идти за Гитлером, о котором эта молодежь теперь связана общностью преступлений и судьбы: «Уничтожать, истреблять!» — пишет в дневнике один из этих гитлеровских выродков. — «Жалость должна быть вырвана из

наших сердец, сострадание выжжено каленым железом, когда мы видим перед собою русского. Мы—сильная раса и уничтожаем все, что препятствует нашему господству, как это делали наши предки» ¹⁾.

«Расстреливать всех или кое-кого оставлять?»—спрашивает себя другой немецко-фашистский изверг, и тут же добавляет: «Мы повесили 25 бандитов (т. е. советских патриотов.—О. В.) Запугает ли это кого-либо? Хотя народ здесь очень упорный—пусть они страшатся нас больше, чем других» ²⁾.

Это они—«цвет» гитлеровской армии—совершили и совершают на оккупированных территориях СССР чудовищные злодеяния, покрывшие несмываемым позором германскую армию. Это они показали всему миру непревзойденные в истории образцы массовых насилий над беззащитными людьми, массовых убийств женщин, детей, стариков, зверских издевательств над военнопленными, бессмысленных поджогов и разрушений культурных памятников. Это их ровесницы—их жены, любовницы и сестры—шлют на фронт множество писем с просьбами или требованиями «достать в Россию», т. е. украсть, награбить и послать им в подарок ботинки таких-то размеров, материал на платье такой-то расцветки. И это их прежде всего, равно как и их немецко-фашистских самок, ненавидит той ненавистью каждый советский человек—не просто как врагов, а как бешеных собак, от которых можно спастись только уничтожив их всех до последнего.

Свыше трех с половиной миллионов этих фашистских хищников уже нашли себе могилу на нашей земле. Но пока не все они уничтожены, Гитлер имеет в их лице главную опору своего режима в тылу и главную ударную силу своей армии на фронте.

Но и немцы старших поколений, особенно в рядах мещанства и кулацкого крестьянства, сильно заражены разбойничьим духом гитлеризма. В течение трех лет второй мировой войны прямое или косвенное их участие в ограблении и порабощении многочисленных стран Европы не могло не оказать самого развращающего влияния на их психологию. Нельзя забывать и того, что еще задолго до Гитлера правящие круги империалистической Германии, в тесном сотрудничестве с пан-германской буржуазной интеллигенцией, в течение десятилетий насаждали в массах идеи политического авантюризма, культ завоевательных, грабительских войн, презрение и ненависть к другим народам, особенно к славянским. Физически

¹⁾ Цит. в передовой „Правды“ от 23.VII 1942 г.

²⁾ „Красная Звезда“ от 14.VIII—1942 г.

уничтожив и подавив террором все оппозиционные элементы, гитлеровцы сумели своей разнузданной демагогией и благодаря своим первым военным успехам укрепить и усилить эти настроения, развязать самые низменные инстинкты кулацко-мещанских слоев и превратить их, таким образом, в своих союзников и пособников. Особенно отчетливо это видно на отношении имущих слоев Германии к той системе рабовладельческой эксплуатации, которую гитлеровцы взродили через пятнадцать столетий после крушения рабовладельческой Римской империи.

В приказе по армии под заглавием «Стоимость военнопленного» (июнь 1942 г.) Гитлер рекомендует своим солдатам смотреть на русских как на рабов, как на «хорошо применимую» и «самую дешевую» рабочую силу. В немецких городах и местечках появились настоящие невольничьи рынки где советские военнопленные и угоняемые из захваченных районов подростки, женщины, девушки распределяются либо по дешевке продаются в качестве рабов. «Благодаря войне,—пишет сыну на фронт некая фрау Гребер,—мы теперь получили хорошую рабочую силу—девку с Украины; ей 21 год. Фрау Леман получила сестру этой девки. Ей 26 лет, но она сильнее нашей—я смотрела ее мускулы на руках и ногах» ¹⁾.

«К 1 марта,—радостно сообщает в своем письме на фронт другая фрау,—нам дадут трех украинских девок для работы на огороде и двух девок для работы по дому. Будь спокоен, они уже поработают. К тому же нам дадут еще двух пленных» ²⁾.

Русских заставляют носить позорную повязку с буквой «О» («остарбейтер» — рабочий с востока), спят они в хлевах или под открытым небом; за малейшую провинность их жестоко наказывают. Одна немка с эпическим спокойствием рассказывает в письме к сыну, что у ее приятельницы фрау Ростерт, «повесилась в свиарнике русская девка», которую хозяйка «все била и ругала». Но даже самоубийство несчастной не проняло толстокожих немецких зверей. «Мы успокоили фрау Ростерт», — написано далее, — «можно ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу» ³⁾.

Гейбельс в недавней речи, произнесенной в Мюнхене, хвастал тем, что Германия уже имеет шесть миллионов „иностраных рабочих“ и „скоро будет иметь их еще больше“. ⁴⁾

1) „Кр. Звезда“ от 1.VIII.

2) „Кр. Звезда“ от 5.VIII. Ср. статью К. Селезнева „Советские люди на немецкой каторге“, „Правда“ от 20/VIII.

3) „Кр. Звезда“ от 2.VIII.

4) „Правда“ от 25/X 1942 г.

Все эти данные показывают, что немецкий имущий обыватель основательно вошел в роль рабовладельца, и что эта роль ему по вкусу. Понятно, что если в Германию притекает много добычи и много дешевых рабов, он готов мириться с Гитлером и его войною и чувствует себя временами вполне удовлетворенным. Тем самым не только немецкие капиталисты, но и вся немецкая мелкобуржуазная масса становится соучастницей гитлеровских преступлений и должна нести за них ответственность в полной мере.

Страх перед этой ответственностью, страх перед грозным возмездием со стороны народов, ставших жертвами гитлеровского разбоя, заставляет эти слои немецкого народа идти на все новые и новые жертвы и напрягать свои усилия, поддерживать до конца кровавую гитлеровскую клику. Отсюда естественный поворот в отношении советских людей к немецкому народу, поворот, нашедший яркое выражение в словах одного нашего бойца: «Мы излечились от сладостных иллюзий, что немецкий народ проснется и поймет».¹⁾

Однако это лишь одна сторона картины, и делать на этом основании вывод о морально-политическом единстве немцев, о морально-политической прочности немецкого тыла было бы абсолютно неверным.

Во-первых, капиталисты и мелкобуржуазная масса города и деревни—это еще не весь немецкий народ, а только одна его часть, правда, весьма многочисленная и задающая тон в настоящий момент.

Во-вторых, настроение и этой многочисленной и пока еще влиятельной части немецкого народа является весьма изменчивой величиной, зависящей в первую голову от положения дел на фронте.

В первые 3—4 месяца этой войны опьянение военными успехами, хотя и дорого оплаченными, приток в Германию всякого награбленного добра, надежды на близкое завершение «блицкрига» полной победой—все это создавало видимость единства большей части немецкого народа вокруг гитлеровской банды.

Но уже к концу осени 1941 года настроения этого большинства радикально изменились, что и отметил товарищ Сталин в своем историческом выступлении по случаю 24-летия Великой Октябрьской Революции. Касаясь вопроса о «непрочности германского тыла гитлеровских захватчиков», Сталин сказал:

¹⁾ Цит. в статье И. Эренбурга, „Правда“ от 22.VIII 1942 г.

«Два года с лишним кровопролитной войны, конца которой не видно; миллионы человеческих жертв; голод; обнищание; эпидемии; кругом враждебная против немцев атмосфера; глупая политика Гитлера, превратившая народы СССР в заклятых врагов нынешней Германии,—все это не могло не повернуть германский народ против ненужной и разорительной войны. Только гитлеровские дурачки не могут понять, что не только европейский тыл, но и германский тыл немецких войск представляет вулкан, готовый взорваться и похоронить гитлеровских авантюристов».

С того времени, как был сделан этот замечательный анализ, все отмеченные в нем факторы морального развала гитлеровского тыла многократно усилились.

В течение значительной части 1941 года гитлеровцам еще удавалось подогревать шовинистические настроения немецкого обывателя хвастливыми реляциями с фронта, в которых крупницы истины утопали в целых потоках лжи. В начале октября Гитлер возвестил предстоящее «последнее большое решающее сражение этого года», которое отдаст Москву в руки немцев и победоносно завершит войну на восточном фронте.

Вскоре после этого начальник гитлеровского Информбюро Дитрих, прилетев в Берлин из ставки, официально объявил, что Красная Армия уже разгромлена и что зимней кампании не будет. Немецкий обыватель принял эту наглую ложь с полным доверием. В Берлине балконы разукрасились флагами, на улицах всю ночь гремели оркестры, по радио транслировался звон колоколов Кельнского собора, как в день подписания перемирия с Францией. Но вслед за тем потянулись недели ожидания, и в один прекрасный день обыватель узнал о поражении гитлеровской армии под Ростовом. Невразумительный лепет Геббельса—«Мы пожертвовали пешкой (т. е. Ростовом), чтобы взять короля» (т. е. Москву), только усилил проснувшуюся подозрительность. Ведь тот же Геббельс перед тем утверждал, что Красная Армия более не существует. Когда же последовал декабрьский разгром немцев под Москвою и началось широкое наступление Красной Армии, погнавшей гитлеровские полчища на запад, официальным сообщениям перестали верить даже самые наивные люди.

Зима 1941—42 г., принеся фашистским войскам ряд новых поражений, а всему немецкому народу тягчайшие лишения, нанесла еще более сильный удар по остаткам бывшего оптимизма. Один датский корреспондент рисует Берлин этого периода как «унылый и безрадостный город», по улицам которого движутся, как механизмы, молчаливые люди; они утра-

тили всякий интерес к газетам, а победные реляции Геббельса вызывают в них одно лишь раздражение. ¹⁾ Эта характеристика относится к любому немецкому городу и к любой деревне.

Уныние, пессимизм, глубокая усталость от войны, сознание ее безнадежности нашло свое наиболее яркое выражение в письмах из тыла на фронт. «Так тяжело думать о том, что нас ждет впереди,—пишет солдату Карлу Вернеру его мать,—что я лучше хотела бы умереть. Война, вероятно, кончится, когда всех вас перебьют, и у Германии не останется ни одного солдата.» ²⁾

Подобные письма исчисляются тысячами. Был произведен анализ 14 тысяч писем, посланных из тыла в гитлеровскую армию и попавших в наши руки. Оказалось, что до войны против СССР только в 13% всех писем выражено недовольство войной; между июнем и августом 1941 г. число таких писем возросло до 18,5%; с сентября по октябрь—до 43%; с декабря недовольством и пессимизмом проникнуто уже 77% всех писем. В то же время число «патриотических», профашистских писем сократилось втрое и составило всего 8%. ³⁾

В своей речи 30 января 1942 г. Гитлер думал подкупить немцев смиренным признанием, что он допустил кое-какие просчеты. Иначе говоря, он вынужден был сознаться, что прежние его трескучие речи были неумной брехней. «Переход от наступления к обороне,—сказал он,—был нелегким... Мы имеем перед собой противника, который, возможно, превосходит нас численно... Сегодня, 30 января, я могу дать только одно заверение: как закончится этот год, я не знаю; закончится ли война в этом году, я тоже не знаю».

«Новый тон Гитлера,—писала одна английская газета,—вселяет в нас бодрость». Зато в Германии его вымученное признание не только не восстановило утраченного доверия, но еще усилило настроения подавленности. Вот как об этом бесхитростно пишет жена одного немецкого солдата: «Фюрер сказал, что в 1942 году мы будем еще лучше вооружены и сможем продолжать войну. После этого все женщины опустили головы. Ведь мы все ожидали и надеялись, что война окончится еще в 1941 году. Работницы фабрики, на которой я работаю, были ошеломлены. Все ходят печальные. Только немногие, которые никого не имеют на фронте, да дурочки, еще резвятся.»

¹⁾ „Комсом. Правда“ от 1.IV.

²⁾ Цит. в „Правде“ от 26.I.

³⁾ См. К. Поль, Процессы политического разложения в гитлеровской армии („Мирное хозяйство и мировая политика“ № 3—4 за 1942 г.).

Столь же мрачным тоном отличалась речь Гитлера 9 марта в Арсенале на церемонии «памяти павших». Он говорил о «грядущих годах борьбы», о «силе неприятельского оружия», о «неисчерпаемом потоке резервов» советского народа, о «неизбежности новых жертв».

Гитлер обещал немцам новую зимнюю камтанию. Геринг, выступая в мае, когда вырисовались неутешительные виды на урожай, обещал им новые продовольственные ограничения. Оба «фюрера» стремились парализовать недовольство масс, запугивая их перспективой гибели германского народа и германского государства в случае военного поражения.

Все это не предвещало немцам ничего хорошего и не способствовало поднятию в них бодрости. Наоборот, загнанные внутрь антивоенные и антигитлеровские настроения получали для своего роста новую пищу.

Но еще большую роль в этом отношении сыграло само развитие событий. Сокращение рационов, длинные хвосты перед пустыми магазинами, бешеная дороговизна, недоедание, голод и эпидемии—это в настоящем. В перспективе—рост материальных лишений и голода ввиду развала сельского хозяйства, крушения надежд на приток продуктов из Украины и других оккупированных территорий, разруха на транспорте.

В настоящем—бесконечный поток с фронта раненых и больных, переполняющих больницы, общественные здания и частные дома; непрерывные мобилизации в армию, не щадящие даже больных и инвалидов; стандартные и неизбежные, как рок, уведомления о смерти родных или близких, «погибших во славу фюрера», безрадостные вести от родных, еще уцелевших, но ждущих гибели от «русских морозов», или от «русских партизан», или от «советской артиллерии» и т. п. В перспективе—еще более ужасные людские и материальные потери.

В настоящем—крепнущая антигитлеровская коалиция во главе с величайшими державами мира—СССР, США и Англией, сплочение которых гитлеровцы объявили сначала «невозможным», затем «нереальным», наконец «не имеющим серьезного значения»; грандиозная программа и темпы вооружений этих держав; разрушительные результаты английских и советских воздушных налетов на города, которым Геринг «гарантировал» полную безопасность; разгром армии Роммеля в Ливии; захват Северной Африки англо-американцами и усиление эффективности блокады Германии; сокрушительные удары, нанесенные гитлеровцам Красной Армией, перешедшей в наступление под Сталинградом, на Центральном фронте, на среднем течении Дона и на Северном Кавказе.

В перспективе—выход из войны почти уже обессиленной Италии, дальнейшее ослабление гитлеровской коалиции и создание против Гитлера второго фронта в Западной Европе.

„Это хуже, чем в прошлом году“,—с отчаянием восклицает военный обозреватель одной из гитлеровских радиостанций—Цеезен¹⁾. „Мы все здесь живем в постоянном страхе перед завтрашним днем“,—пишет на фронт мать одного гитлеровского солдата²⁾.

Чем серьезнее основания для роста уныния и пессимизма, тем отчаяннее становится борьба гитлеровцев против этих настроений. Призывы «сохранить равновесие», «проявлять выдержку», «поменьше жаловаться и побольше работать» «не поддаваться унынию», «не слушать речей руководителей иностранных государств», «быть готовыми к любым испытаниям»,—не сходят со столбцов фашистских газет и на все лады повторяются в устной пропаганде.

По своему обыкновению гитлеровцы уговоры подкрепляли угрозами. «Данцигер форпостен» писал: «В Германии много пессимистов, вешающих нос, если предсказание о наступлении оттепели не оправдывается... Дурное настроение снижает работоспособность, поэтому пессимистов следует считать саботажниками и дезертирами». В заключение газета грозит «ворчунам» строгими мерами.³⁾ Геббельс обрушивается на людей, «не умеющих всесторонне рассматривать войну» и «драматизирующих трудности до того, что они становятся неспособными отличать существенное от несущественного». ⁴⁾ „Правительство,—грозно напоминает он в одной из «ободорящих речей»,—не потерпит, чтобы кто-либо остался вдали от войны. Кто будет поступать иначе, того ждет суровая кара, вплоть до смертной казни». ⁵⁾ Руководитель «трудового фронта» Лей заявил: «Партия наблюдает за каждым немцем. Она записывает малейшие движения возбуждения и недовольства. Мы не можем допустить, чтобы отдельная личность уклонялась от ответственности перед фюрером, ссылаясь на совесть или на бога». ⁶⁾

Последняя угроза метит непосредственно в многочисленных в Германии католиков. Преследования, которым подвергает гитлеровское правительство католическую церковь, конфискации ее земельных имуществ и ценностей, роспуск всех

1) „Правда“ от 6/XII.

2) Цит. у Львова „Полет арийского духа“, „Правда“ от 1/X.

3) См. „Правду“ от 22 II.

4) См. „Комсом. Правду“ от 13.IV.

5) См. „Правду“ от 30.III.

6) Цит. по „Кр. Звезде“ от 12.VI.

католических организаций, закрытие католических газет,—все это прибавило новую пищу к раздражению миллионов верующих людей.

Большое беспокойство уже давно внушает гитлеровскому руководству рост недовольства среди немецких женщин. Летом этого года орган Геббельса «Ангрифф» признал, что «домохозяйки открыто высказывают свое возмущение непрерывным сокращением продовольственных норм и полным отсутствием в продаже самых необходимых товаров». ¹⁾ 1 марта в радиопередаче из Кенигсберга докладчица говорила о том, что «национал-социалистская партия не собирается баловать немецких женщин». В работе среди них,—указывала она,—«нужно проявить известную безжалостность», для подавления наиболее строптивых элементов среди женщин придется «сотрудничать с некоторыми государственными органами», т. е. с гестапо. ²⁾ В начале июня руководительница гитлеровских женских организаций Шольц-Клинк предприняла специальное турне по Германии с целью «поднять дух» немецких женщин.

Будучи не в силах устранить причины роста антивоенных настроений в своем тылу, гитлеровцы стремятся, по крайней мере, парализовать влияние такого фактора, как пессимистические письма с фронта. Когда немецкий солдат пишет на родину, например, следующее: «Мы все уже до некоторой степени стали душевно больными... Россия требует величайшего напряжения нервов...» ³⁾, то читатели такого письма вряд ли почерпнут из него хотя бы крупицу надежды или бодрости. Гитлеровской клике мало свирепой военной цензуры, мало особого контроля Гестапо над самою военной цензурой. Она хотела бы еще, чтобы солдатские письма с фронта помогли бороться с антивоенными настроениями в тылу. Этим именно желанием продиктована помещенная в секретном бюллетене главного командования инструкция под названием «Искусство составлять письма». — «Солдатские письма,—читаем мы в этой инструкции,—должны выражать уверенность и вселять радость. Часть своей нервной силы германский народ черпает из писем своих солдат. Характер письма имеет огромное значение. Солдат не имеет права писать письма, не думая о том впечатлении, которое они произведут на получателя...»

Эта нелепая идея, заставить миллионы солдат писать письма на родину под гитлеровскую диктовку, только выдает ра-

¹⁾ Цитата по „Кр. Звезде“ от 12.VI.

²⁾ Цитата в „Известиях“ от 19.III.

³⁾ Письмо обер-ефрейтора Ганса Геллера от мая 1942 г., цит. в „Известиях“ 19.V.

стерянность правящей клики, почувствовавшей, как почва самой Германии заколебалась под ее ногами.

Как ни опасны сами по себе настроения пессимизма и недовольства, которые стали охватывать самые различные слои германского народа, приближая таким образом гитлеровский «фронт духа» к полной катастрофе, но еще страшнее для гитлеровцев массовые проявления открытого протеста—страшнее своей интенсивностью и заражающим действием.

Мы уже видели, характеризуя состояние промышленности, транспорта и сельского хозяйства, что замедленные темпы работы и другие акты саботажа становятся в Германии повседневным явлением. В одной только корреспонденции из Стокгольма от 14 мая перечислено несколько случаев этого рода: в городе Маршахт взорван на мельнице паровой котел; в Берлине на Паульштрассе подожжено новое строительство; в Тондерне сгорела товарная станция, близ Зальцгаузена горел лес.¹⁾ На химических заводах в районе г. Бохума в июле произошло четыре взрыва и восемнадцать аварий²⁾ и т. д. На фабриках и заводах, где существует особенно тщательный контроль гестапо и штурмовиков, каждый акт саботажа немедленно вызывает жесточайшие репрессии. В марте на алюминиевом заводе в Лауте вспыхнули волнения среди иностранных рабочих, которые испортили несколько машин и остановили завод. Было пущено в ход оружие, зачинщиков движения схватили и заковали в кандалы, многих рабочих подвергли публичной порке.³⁾ На химическом заводе близ Дюссельдорфа иностранные рабочие потребовали, чтобы их отпустили на родину. Штурмовики расстреляли сорок итальянцев-зачинщиков забастовки.⁴⁾

Подобные движения, повидимому, пока еще мало затронули предприятия, в которых заняты немецкие рабочие. Здесь мы встречаемся только с такого рода фактами, как отмеченный «Националь цейтунг» протест работниц военного завода в Эссене против условий труда и недоедания⁵⁾, как распространившиеся на военном заводе в Франкфурте «вредные слухи относительно командования Германии и ее союзников» или же антивоенные надписи, например, на дверях одного из предприятий „Рейнметалл“ в г. Дюссельдорфе: „мы хотим мира, поэтому мы работаем медленно“⁶⁾. Но стихийные вспыш-

1) „Красная Звезда“ от 15.V.

2) „Правда“ от 27/VIII, сообщение Совинформбюро.

3) „Известия“ от 14.III.

4) „Известия“ от 5.III.

5) „Кр. Звезда“ от 12.VI.

6) Сообщение Совинформбюро от 29/VIII 1942 г.

ки и среди немецкого населения, главным образом среди женщин, зарегистрированы во многих городах—в Лейпциге, Штутгарте, Дрездене, Берлине и пр. В Дрездене в фев. але состоялась стихийная демонстрация женщин, требовавших хлеба для своих голодающих детей. „Кончайте с проклятой войной!“—кричали демонстрантки штурмовикам, наволившим „порядок“. 1) После очередного снижения продовольственных норм особенно сильные беспорядки происходили в Франкфурте, Маннгейме и Гамбурге. Движение 8 и 12 июня в Гамбурге приняло характер настоящего голодного бунта, в котором участвовали и портовые грузчики. Толпа забросала полицию камнями. С обеих сторон были убитые и раненные. Подавление бунта сопровождалось массовыми арестами и расстрелами 2). В начале декабря в Берлине происходили столкновения между рабочими и полицией. Поводом к столкновению послужил арест трех женщин за антигитлеровскую деятельность. Рабочие устроили массовую демонстрацию, что повлекло за собою окружение одного из районов города полицией и многочисленные аресты. 3) В предвидении дальнейшего роста подобных движений Гиммлер увеличил численность охранных отрядов и создал настоящие укрепления во многих крупных центрах. 4)

Вместе с тем активизируется и организованная оппозиция, таящаяся в глубоком подполье, но имеющая все же возможность выпускать двенадцать нелегальных газет. 5) Излишне говорить, что ведущую роль в этой оппозиции играет компартия Германии, которая, невзирая на тяжелые потери в руководящих кадрах, не сложила оружия и продолжает борьбу.

Особенно пугает гитлеровцев в наметившемся движении его классовый характер. Об этом нас информирует орган самого гестапо «Дас шварце кор». В номере этой газеты от 30 апреля мы находим «открытие», что среди немцев еще живы «зажигательные лозунги классовой борьбы». «Немцы весьма склонны полагать,—жалуется газета,—что лица, занимающие высокие посты и много зарабатывающие, пользуются особыми преимуществами». «Мелкие люди», по выражению газеты, «еще остались бессознательными классовыми бойцами». 6)

1) „Правда“ от 31.III; ср. номера от 12 I и 3.II, 17.VI. 7.X и др.

2) „Правда“ от 17.VI

3) „Известия“ от 10/XII

4) „Правда“ от 15/XII

5) Информация корреспондента „Нью-Йорк Таймс“, цит. в „Правде“ от 17.1.

6) Цит. по „Красной Звезде“ от 12.V.

Итак, вместо пресловутого „национального единства“, в 1942 году снова выступил грозный призрак классовой борьбы... Само гестапо признало, что дело зашло дальше, чем простое недовольство бессмысленной войной и голодным рационом. Если оно сводит все к зависти «мелких людей» по отношению к «лицам, много зарабатывающим», то мы под этой туманной терминологией отчетливо видим признаки возрождающейся классовой борьбы трудовых масс против правящей в Германии плутократии и ее цепных псов-чиновников гитлеровской партии.

Этим зародышам политического кризиса в массах соответствуют зародыши кризиса самой гитлеровской власти, начинающееся морально-политическое разложение военно-плутократической олигархии. Напряженные отношения существуют между штурмовиками и рейхсвером, между фронтовиками и тыловыми военными и чиновниками. Фронтовики возмущены тем, что военные, окопавшиеся в тылу, получают такое же снабжение, как военные на фронте. Один представитель армии даже заявил в пылу гнева, что 90% членов партии и сотрудники гестапо «только тем и занимаются, что жиреют на воровстве и грабеже». ¹⁾ Весьма острые формы принимают разногласия между гестапо и министерством авиации. Не без основания полагают, что с этим связано убийство генерала авиации Удета и последовавший вслед за тем арест нескольких сот офицеров военновоздушных сил. ²⁾ Наконец, в последнее время чрезвычайно обострились противоречия между гитлеровскими чиновниками и плутократией. Чиновники, наживаясь на выдаче военных заказов и спекулируя на так называемом «государственном контроле» над промышленностью, урывали для себя, по мнению промышленников, слишком большую долю из военных прибылей. Отсюда кампания за «развязывание частной инициативы», за ликвидацию «государственного контроля», всегда изображавшегося гитлеровцами, как один из элементов «социализма». Гитлер в завязавшемся споре стал на сторону плутократии: в мае был создан, как уже упоминалось, состоящий из магнатов промышленности «Совет по вооружению», была проведена «реорганизация промышленности», газеты начали кампанию за «поднятие авторитета предпринимателя». По словам «Берзейейтунг», «В истории германского хозяйства началась новая эра—эра свободного от административных рогаток предпринимательства». ³⁾

1) „Правда“ от 3 V.

2) „Красная Звезда“ от 5 VI.

3) „Красная Звезда“ от 16. V, статья Гофмана.

О разложении правящей верхушки свидетельствуют также участвовавшие за последние месяцы случаи увольнения видных гитлеровцев с их постов (Вальтера Дарре, Клейнмана и др.), казнь бургомистра Кельна — Дильса, арест большой группы гитлеровских чиновников „за равнодушные и пассивные в борьбе против недовольных элементов“, и особенно, кризис верховного командования армии.

Как известно, вслед за смещением главнокомандующего генерал-фельдмаршала Браухича, вместо которого Гитлер назначит самого себя, последовала отставка генерал-фельдмаршалов Бока, фон Лееба, Рунштедта, генералов Гудериана и Клейста, генерал-полковника Штрауса и более чем 50% дивизионных генералов, командовавших на Калининском фронте «за допущение разгрома своих дивизий и высказывание неуверенности в победе Германии». Хотя наиболее видные из перечисленных генералов были затем восстановлены, но кризис верховного командования остался неустраненным.

В декабре 1942 г. за поражениями гитлеровских армий на Сталинградском, Центральном и других участках советско-германского фронта последовала отставка начальника германского генерального штаба Гальдера и замена его генералом Цейтлером. Весьма подозрительна также внезапная смерть генерал-фельдмаршала Рейхенау, гибель министра вооружений генерала Тодта и др. видных военных.²⁾ Вместо этих военных специалистов на важнейшие посты назначаются преданные Гитлеру люди, не имеющие достаточной военной подготовки, но неплохо умеющие набивать свои карманы. В прессе неоднократно отмечались случаи воровства и взяточничества среди высших германских офицеров. Так, например при участии чиновников гестапо была организована офицерами подпольная торговля бензином в городе Быдгош, с филиалами в других городах. Такая же организация была раскрыта в Торуне, причем в ней оказался замечательным генерал-майор авиации Флисс.³⁾

К этим симптомам начинающегося кризиса правящей верхушки и военного командования нужно присоединить хорошо известные факты, характеризующие некоторые элементы разложения и деморализации гитлеровской армии в целом.

«Немецкая армия 1942 года это не та армия, какая была в начале войны. Отборные немецкие войска в своей основной массе перебиты Красной Армией. Кадровый офицерский состав частью истреблен Красной Армией, частью разложился в

1) См. статью полковника Толченова в „Красной Звезде“ от 22.V.

2) См. „Правду“ от 18.I и 11.II.

3) См. „Комсом. Правду“ от 1.IV.

результате грабежей и насилий над гражданским населением оккупированных районов. Младший командный состав, как правило, перебит и теперь производится в массовом порядке из необученных солдат». ¹⁾

Солдаты Гитлера все чаще выражают недовольство войной, недоверие к своим командирам и к самому гитлеровскому руководству, страстное желание любой ценою вернуться домой. Случаи неповиновения офицерам, уклонения от участия в атаках, от пребывания на передовых позициях и другие проявления недисциплинированности сделались весьма частым явлением. Дезертирство из армии приняло настолько широкие размеры, что против скрывающихся в лесах Восточной Германии, Польши, Литвы и Латвии групп дезертиров приходится организовывать облавы, с участием целых бронированных колонн. Об упадке воинского духа и деморализации армии свидетельствуют также многочисленные случаи самоубийства солдат. Многие, желая поскорее вернуться на родину, прибегали даже к членовредительству и наносили себе огнестрельные ранения. Нередко солдаты делали это друг другу в порядке товарищеской услуги („камараденишфатсшус“ — товарищеский выстрел). Наконец, в некоторых частях германской армии имели место случаи коллективного неповиновения и даже военных бунтов.

В начале марта 1942 г. в связи с отказом солдат отправиться на Восточный фронт, возникли волнения в ряде гарнизонов, расположенных в французских городах. ²⁾ Такой бунт вспыхнул, например, в 81-й германской дивизии. Свыше ста солдат-участников бунта — было расстреляно в казармах Мон-Валерьен. ³⁾ 5-го марта взбунтовалась часть немецкого гарнизона г. Пардубицы (Чехословакия) на почве недовольства отвратительной пищей. Солдаты кричали: «Хотим мира!», «Пора разъезжаться по домам!» и т. д. В мае сообщалось о недовольстве и бунтах в австрийских дивизиях германской армии; в одном из батальонов десантных войск были перебиты германские инструкторы-офицеры; этот батальон пришлось расформировать, как полностью разложившийся. ⁴⁾ В октябре 300 немецких офицеров и солдат бежали из Франции в Швейцарию, чтобы избежать отправки на советский

¹⁾ „Политические и военные итоги года Отечественной войны“. Совинформбюро.

²⁾ „Известия“ от 17.III.

³⁾ „Правда“ от 10.III.

⁴⁾ „Красная Звезда“ от 8.V.

фронт. 1) Аналогичные факты неоднократно отмечались среди германских войск, расквартированных в Польше, Чехии, Бельгии, Дании. Особенно многочисленны волнения и бунты в войсках, сосредоточенных в Норвегии. В Бергене в начале сентября произошло восстание гитлеровских солдат, свирепо подавленное СС-овцами; десятки солдат были расстреляны, сотни отправлены в концлагерь. 2) В октябре—декабре такие же восстания происходили в Нарвике, Киркенесе и др. местах. Весьма показательно недавнее сообщение американских корреспондентов из Стокгольма о расстреле в крепости Акерхус близ Осло 70 офицеров за отказ отправиться на Восточный фронт, 3) об аресте 4 тыс. солдат в Альте (сев. Норвегия) за мятеж 4) и т. д.

Конечно, гитлеровская клика и не думает сдавать позиций без ожесточенного боя. Она еще чувствует себя для этого достаточно сильной. Созданный ею и многократно за последнее время усиленный аппарат террора действует пока что бесперебойно. Расстрелы и недавно введенные в Германии казни через повешение, тюрьмы и концлагери еще оказывают сдерживающее действие на массы. Гитлер 26 апреля потребовал предоставления ему чрезвычайных полномочий для внесудебной расправы с „внутренними врагами“, как будто он раньше не применял в самых широких размерах этого средства. Он обрушился на фашистских судей за слишком мягкие, по его мнению, приговоры. Он расхваливал СС-овцев, за услуги, которые они оказали и оказывают фашистскому режиму. Он старался всячески запугать необычайно выросшую массу своих врагов в Германии.

Его речь явилась сигналом к новой волне политического террора. Число казней за «государственную измену», за саботаж и «вредительскую деятельность» после этой речи удвоилось: 13% казненных, как установлено недавно произведенными подсчетами, составляют женщины; свыше 25% смертных приговоров вынесено за саботаж.

Но террор, доведенный до последних пределов, является орудием, быстро притупляющимся. В руках Гитлера есть, помимо террора, еще одно средство несколько продлить свое существование. С отчаянной решимостью вконец разоренного игрока, он бросает в ненасытную пасть войны все новые жертвы; он кидается, очертя голову, во все новые военно-политические авантюры. Его лозунгом является:

1) См. „Правду“ от 18/X, „Труд“ от 3/X, 13/X и др.

2) „Правда“ от 13/X, 14/X и 21/XI, „Известия“ от 3/XII и 8/X

3) „Известия“ от 2/XII.

4) „Труд“ от 11/XII и 12/X.

успех любой ценою, только бы отдалить неминуемое банкротство и смерть.

Но его возможности в этом отношении с каждым днем все более суживаются. Апогей гитлеровских успехов давно пройден, теперь происходит неуклонное падение с достигнутой высоты и этого основного факта не замазать никакой новой ложью и никакими новыми преступлениями фашистских палачей.

Заклучение

„Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам удары такой силы, которые поколебали основы немецкой военной машины и подготовили почву для разгрома гитлеровской армии“...¹⁾

Но эта военная машина все еще очень сильна и продолжает пока еще представлять грозную опасность для нашей страны для нашего народа. Летом 1942 года, собрав „под метелку все свои резервы“—до 180 дивизий—и вытянув у вассалов угрозами и обещаниями еще 60 дивизий пушечного мяса, накопив путем фактического прекращения военных действий на западе большие запасы военной техники,—Гитлер начал на южном участке фронта новое наступление, принесящее ему на первых порах значительные тактические успехи.

Анализируя в докладе к XXV годовщине Великой Октябрьской революции итоги этого наступления товарищ Сталин показал, во-первых, весьма относительный характер гитлеровских успехов, во-вторых, их обусловленность отсутствием второго фронта в Европе.

„В чем же... состояла главная цель немецкого наступления?“—говорил товарищ Сталин: „Она состояла в том, чтобы обойти Москву с востока, отрезать ее от волжского и уральского тыла и потом ударить на Москву“.

Благодаря героической обороне Сталинграда, благодаря несравненной стойкости наших армий на всех решающих участках фронта, этот основной стратегический план Гитлера полностью провалился.

В связи с этим находится и другой важный вывод товарища Сталина о близком истощении немецко-фашистских

1) „Политические и военные итоги года Отечественной войны“.

орд, о том, что их силы, „уже подточены и находятся на пределе“²⁾.

Подстегиваемый нарастающим кризисом и надвигающейся катастрофой всей германской экономики; охваченный страхом за свой гнилой германский тыл, который уже раз показал перед лицом трудностей в конце 1941—начале 1942 года свою неустойчивость; стремясь предотвратить образование в Европе второго фронта, который резко ухудшит политико-стратегическое положение Германии и приблизит час ее окончательного разгрома, — Гитлер сделал еще одно судорожное усилие выиграть борьбу.

Это усилие тяжело раненого зверя, чувствующего что при неудаче его ждет быстрая и неотвратимая гибель, оказалось напрасным. В период отступления и обороны Красн. Армия обессиливала врага, уничтожила десятки его дивизий и много его техники. С середины ноября начались наступательные операции Красной Армии, которые своей организованностью и подготовленностью вызвали смущение в рядах фашистов и восхищение всех свободолюбивых народов. На Северном Кавказе, под Сталинградом, на Дону, западнее Ржева и на других участках фронта наносятся врагу все более мощные, все более успешные удары, заставляющие его откатываться на запад. Вторая зима на Восточном фронте обещает оказаться еще более черной тяжелой последствиями для гитлеровцев, чем первая. Со скрежетом зубов вынуждены они сами признать, что теперь перспективы их, куда хуже, чем в прошлом году. Не только на Востоке трещит их фронт под натиском наступающих наших частей, но и на западе все более эффективной становится поддержка со стороны наших союзников. Разгром армии Роммеля, бои под Бизертой и Тунисом, разрушение англо-американской авиацией крупнейших промышленных центров Италии, крушение гитлеровской попытки захватить французский флот в Тулоне, усиление освободительной борьбы поработанных народов Европы—все это грозные предвестники приближающейся катастрофы фашистской „Третьей империи“.

Таковы в немногих словах основные черты, характеризующие настоящее внешне-политическое и военно-стратегическое положение гитлеровской Германии.

Внутреннее положение Германии, как показывает все наше изложение, также неопровержимо свидетельствует о том, что она достигла предела ведения в таком масштабе

2) Приказ Народного Комиссара Обороны 7 ноября 1942 г.

А. № 14-48

современной войны, и что ее полное истощение не за горами.

Но окончательный разгром гитлеровского разбойничьего гнезда потребует от нас и наших союзников еще не малых усилий и жертв. Гитлеровская Германия не развалится сама в результате стихийного действия разлагающих ее внутренних процессов. Этот развал, повидимому, начнется лишь после того, как фашизму будут нанесены решающие удары на фронте и будет переломлен хребет гитлеровской армии.

Только тогда будут выполнены те три задачи, которые в своем историческом докладе 6 ноября 1942 года поставил товарищ Сталин:

„Уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей“;

„Уничтожить гитлеровскую армию и ее руководителей“.

„Разрушить ненавистный „новый порядок в Европе“ и покарать его строителей“.

Саратовское областное государственное издательство. 1943.

Отв. редактор *И. Ф. Фомин*

Корректор *М. Михалева*

НГ21696. Подп. к печати 12/1 1943 г. Учет.-изд. л. 3. Печати. л. 3.
Знаков в бум. л. 82.000. Тираж 10 000 Цена 45 коп.

Саратов. Типография № 1 Полиграфиздата. Зак. № 3645.